

ВЛАСТЬ

МИХАИЛ ЛОГИНОВ

БИТВА ЗА КРЕМЛЬ

«КРЫЛОВ»

Битва за Кремль

Михаил Логинов

Битва за Кремль

«Крылов»

2010

Логинов М. В.

Битва за Кремль / М. В. Логинов — «Крылов», 2010 — (Битва за Кремль)

ISBN 978-5-4226-0113-4

Такой книги в России еще не было. Никогда. Ни сто лет назад, ни в советские годы, ни даже теперь, когда обо всем можно писать и обо всем уже написано. «Битва за Кремль» – политический триллер. История о том, как человек из народа захотел придти к власти в нынешней России. Да еще честным путем. Без бунта, военного переворота или «оранжевого Майдана». Он сумел убедить Россию, что мы еще не потеряли свое будущее и можем жить так, чтоб не было стыдно. Уставшая ото лжи и разочарований страна поверила ему. Да только кто в Кремле допустит, чтобы у них отобрали Власть? Кремлю нет причин волноваться – его покой стережет система из чиновников, силовиков, верных олигархов и прикормленных политиканов. Только скажи «фас» и любой наглец будет растерт в порошок. И «фас» будет произнесено. И в средствах стесняться не будут. Битвы за власть – самые яростные, жестокие и безжалостные битвы на свете. Есть всего один шанс на миллион проскочить между жерновов, уцелеть и победить. Но ведь известно, что иногда как раз самое невероятное и случается... И вот что важно. Книга была закончена весной 2010 года. Половина из предсказанного в романе уже сбылась или сбывается на наших глазах. Неужели сбудется и другая половина?

ISBN 978-5-4226-0113-4

© Логинов М. В., 2010

© Крылов, 2010

Содержание

Пролог. 2000 год	5
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	21
Глава 4	31
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Михаил Логинов

Битва за Кремль

Пролог. 2000 год

Если стенам дано запоминать эмоции, то стены бывшего Дворца бракосочетаний впитали самый лучший аромат. Радостные охи невест, веселый шепот их подружек, добродушные пересуды родни, счастливые слезы родителей. Кружева, вспышки, ленты, море цветов, шуток, пожеланий и марш, под который никто никогда не воевал. Праздник любви!

Сейчас аромат праздника медленно вытеснялся безвкусным запахом казенного учреждения. Женихов с невестами, как и весь загс, выгнали из дворца на набережной Невы еще четыре месяца назад. Здание потребовалось для нового учреждения – полпредства по Северо-Западному округу.

Президент приказал, полпредство появилось, и теперь его сотрудники пытались найти себе занятие. Одним из них было рассмотрение письменных обращений граждан.

Не пренебрегал этим делом и сам Полпред. По весьма уважительной причине: письмо пришло из Кремля с пометкой «разобраться».

Пометка «и доложить» – отсутствовала. В принципе Полпред мог спихнуть обращение подчиненным. Но он был в новой должности всего четыре месяца и стартовый запас служебного рвения еще не растратил.

Уважаемый Президент!

Ответьте мне: нужен ли России мой труд?

Я, как и мой отец, и мой дед, был готов служить стране как офицер. Я выполнял интернациональный долг в Афганистане и был готов выбрать военную карьеру.

Когда я пришел с войны, страна изменилась. Армия сокращалась, ей не были нужны тысячи кадровых военных. Я, как и многие мои соотечественники, как и Вы, отказался от карьеры офицера и выбрал мирную профессию.

Руководство страны заявило, что наше спасение в рыночной экономике. Я пришел в эту сферу, незнакомую мне, но смог освоиться в ней.

Мне было непросто создать стартовый капитал. Есть принципы, через которые нельзя переступить. Я не мошенничал с авизо и не играл с ваучерами, я не ввозил в Россию «Ройял» и не продал ни капли нефти. Я никогда не крутил бандитский общак и не натравливал бандитов на конкурентов.

Я зарабатывал тем, что привозил импортные стройматериалы, которые были новинкой для нашей страны. Сначала в автомобильном прицепе, потом на грузовике. К середине 90-х у меня накопилось достаточно средств, чтобы не импортировать стройматериалы, а выпускать их здесь, в Ленинградской области...

Полпред отложил письмо, дал глазам минутный отдых – взглянул на благородную зелень Летнего сада, отделенную от полпредства лентой Невы. До недавнего времени он сам работал на том берегу, в высоком и некрасивом здании, обитатели которого должны знать все.

Поэтому знал он историю ЗАО «Лензаводстрой». Не то чтобы полностью. Но достаточно, чтобы в дальнейшем пробежать глазами письмо через две строчки.

...Еще прошлой осенью наш производственный коллектив насчитывал шестьдесят человек. Я дал работу людям, сокращенным из армии, людям, ушедшим с обанкротившихся

предприятий, беженцам из Грозного и Душанбе. Я честно платил налоги, я восстановил церковь в райцентре и финансировал ставки двух тренеров местной спортивной школы.

Когда произошел дефолт, некоторые партнеры не рассчитались со мной за поставленную продукцию. Я сам никого не обидел и, хотя сократил коллектив на четверть, выплатил каждому выходное пособие в долларовом эквиваленте июльской зарплаты. Через год, когда производство вернулось к докризисному уровню, все уволенные вернулись на завод...

«Вот тут-то мы и возгордились, – подумал полпред. – Досочки да пенопласт производим, налоги платим, социальную ответственность проявляем. Значит, можно и повыеживаться».

Прошлой осенью ко мне обратился человек, представившийся помощником кандидата в губернаторы Ленинградской области, и попросил о спонсорской поддержке. Я ответил, что принципиально не занимаюсь политикой. Услышал, что мне и не нужно заниматься политикой, а просто профинансировать кампанию будущего губернатора. Также я услышал, что СП «Нева-Петкула» уже сделала правильный выбор, а областной рынок стройматериалов может оказаться маленьким для двух предприятий.

Наши неприятности начались весной...

Полпред читал чуть внимательнее, пытаясь понять, насколько нерадостная история «Ленстройзавода», изложенная в письме президенту, отличается от заявлений, направленных в местные органы. Все то же самое: пожарная инспекция, природоохранная инспекция, конечно же, налоговики. Три милицейских рейда – поиск несуществующего подпольного водочного завода... Изъятия бухгалтерских документов, и бумажных, и процессора... Досрочное расторжение права аренды фирменного магазина строительных товаров и проигрыш дела в арбитраже...

По уму, бедолаге надо вынимать деньги из нынешнего бизнеса и попытать счастье в другой сфере – водкой бы занялся или окорочка возил. Или вообще податься в другие края. Или уйти из бизнеса, поселиться с семьей на Кипре. Нет, характер не тот.

Между тем автор письма, похоже, угадал мысли Полпреда.

Мне открытым текстом сказали, что на этом рынке я лишний и в области будет работать «Петкула», а я должен продать свое предприятие, пока оно не стало банкротом. Этого не будет. Предприятие – это люди, которые на нем работают. А я никогда не бросал своих людей. Ни в Афганистане, ни здесь.

Уважаемый Президент. Я никогда бы не стал обращаться к Ельцину. Он обещал лечь на рельсы, если от его реформ хоть кому-то станет хуже. После этого мне говорить с ним не о чем. Но к власти пришли Вы, и я поверил в то, что годы лжи закончились.

Вы объявили войну терроризму и сепаратизму. Вы доказали, что интересы России для Вас не пустой звук. Я убежден, что мое предприятие работает в интересах страны и нашего народа.

Мне не нужно льгот и привилегий. Разрешите мне работать и дальше. Работать, а не бороться за выживание. Я всегда соблюдал закон. Если все же выяснится, что я его нарушил, я заплачу государству столько, сколько должен. Но я не хочу платить людям, которые хотят уничтожить наше предприятие, чтобы оно не конкурировало с иностранной фирмой.

Михаил Викторович Столбов, Генеральный директор ЗАО «Ленстройзавод»

Полпред отложил бумажный лист, опять взглянул на умиротворяющую гладь Невы, тихо насвистал припев песни «Комсомолыцы-добровольцы» и потянулся к телефону:

– Сергеич, здорово. Объясни, друг сердешный, что за жопа такая? Опять твой знакомый проявился, тот самый Столбов. Ну да, досочный магнат. Ты что, как маленький, не можешь без бзды работать? Ну-ка послушай, чего мне спускают!

После чего быстро и артикулированно прочел пару фраз из письма.

– Что «ну извините»? Просчитывать надо, хоть немного. Теперь давай разбирайся с проблемой. Или отыгрывай, или доигрывай, сам решай по обстоятельствам. Как хочешь, только чтобы мне такие бумажки больше не приходили!

Короткая пауза, необходимая для выслушивания извинений и заверений.

– И правда, постарайся, чтобы этот товарищ нас больше не допекал. Ладно, все. Маше привет. Кстати, она, как помнится, все еще консультант? Нет, уже в правлении «Петкулы»? Говоришь, без нас финики в области ногу сломят... Ладно, только сам дров не наломай. Наломал уже достаточно. Пока!

* * *

Голос в трубке был тихий, сдержанный, даже немного печальный. Так честный врач сообщает безнадежному пациенту самую безрадостную новость.

– Михаил Викторович, ну что же вы так? Ведь просили же: не надо нам здесь никакой Москвы. Мы бы могли договориться как нормальные, взрослые люди. А вы – в Кремль. Предупреждали: не надо жаловаться. Помните? И хорошо, что помните. А в остальном все очень плохо. Для кого? Ну, не для нас же...

* * *

Еженедельная газета «Наша область», рубрика «Происшествия».

14 октября, около 2 часов ночи, в деревне Глинки Гатчинского района по неустановленным причинам произошло возгорание индивидуального частного строения. По имеющимся данным, здание принадлежало генеральному директору предприятия «Ленстройзавод» Михаилу Столбову. Площадь пожара составила около 230 кв. м, деревянный дом выгорел полностью. На момент пожара владелец дома вместе с женой и несовершеннолетней дочерью находился внутри здания. До приезда пожарных жильцы успели самостоятельно эвакуироваться и госпитализированы в Ожоговом центре Ленинградской области.

* * *

– Что мне ему сказать, Николай Георгиевич?

Заведующий ожоговым центром обернулся к старшей медсестре. Та была старше его на двенадцать лет, всю сознательную жизнь проработала в медицине и обычно сама знала, что делать. Зачастую – лучше любого врача. Но на этот раз спросила совета.

– Скажите ему... – Врач снял очки, прикрыв глаза, потер пальцами переносицу. – Ну, допустим, что они находятся во втором реанимационном отделении.

– Говорила, – вздохнула медсестра. – В первый раз так и сказала. А он мне: «Зачем врать? Я, как спонсор, был на открытии. У вас только одно отделение реанимации». Тогда, думаю, скажу ему, что их перевели в палату интенсивной терапии. Только рот открыла, а он уже говорит: «Я выяснил у младшей сестрички, со дня пожара в интенсивную палату никто не поступал»...

Николай Георгиевич молчал, поэтому старшая медсестра добавила:

– Это когда он в сознании. А когда бредит, то кричит, чтобы отползали, пока не рухнула крыша, кричит, что держит Надьку. И все просит еще хоть метр проползти. Его прямо заклинило на этом метре, который надо проползти. Ну а потом ругается и плачет...

– Понятно. – Заведующий ожоговым центром, сдвинув рукав синего халата, взглянул на часы. – Хорошо, Клавдия, сам ему скажу. Сегодня уже поздно, зайду к нему завтра и скажу.

На короткое время в коридоре воцарилась тишина, лишь слышно было, как где-то под потолком потрескивает лампа дневного света. Молчание прервал врач:

– У него же и нога была сломана, прыгали-то со второго этажа. А ведь смог оттащить. И все напрасно. Мда, жаль мужика. Ну ладно, Клавдия, я пошел...

* * *

Из интервью деловому еженедельнику «Питерский бизнесмен» члена совета директоров СП «Нева-Петкула» Марии Черемисовой:

– Идти на расширение – всегда идти на риск. Но мы умеем оценивать риски и принимать смелые решения. Поэтому мы выкупили производственные площади предприятия «Ленстройзавод», доведенного прежним владельцем до полного разорения и банкротства. Мы не жалеем об этой сделке. В отличие от большинства областных предприятий, «Ленстройзавод» имеет относительно современное оборудование.

Вопрос корреспондента:

– Приобретение «Ленстройзавода» – покупка с обременением?

– Мы не имели никаких обязательств перед прежним трудовым коллективом. В принципе все претензии должны предъявляться владельцу, который последние четыре месяца предпочел отлеживаться в больнице. Конечно, численность персонала будет оптимизирована. Но тот, кто действительно хочет работать, будет работать и у нас.

– Планируете ли вы поддерживать благотворительные программы прежнего владельца?

– Мы пока их не рассматривали. В любом случае по этому поводу тоже желательно обращаться к господину Столбову.

* * *

Вахтерша удивленно посмотрела на визитера. Дурак?

Психологического образования у нее не было. Но, взглянув внутрь пакета (должностная обязанность), углядела коробку шоколадных конфет «Осенний пожар». Даже и без такого названия сам дизайн – яркие, чуть ли не пылающие багряные и оранжевые листья – не лучший подарок пациенту ожогового центра.

Визитер подъехал на автомобиле неизвестной ей страны и неизвестной стоимости. Такая машинка наверняка стоит дороже, чем больничный реанимобиль. Между прочим, больной Столбов, которому и предназначалась передача, тоже из бизнесменов, хотя и симпатичный. Кто его знает, может, это обычная шутка у новых русских...

На всякий случай вахтерша предложила:

– Да вы можете сами зайти и сами передать. Михаил Викторович уже почти поправился, даже гуляет.

– Извините, времени нет. Передайте, пожалуйста.

Машина взревела и умчалась. Вахтерша еще раз посмотрела на коробку. Лежащему пациенту она такую передачу точно бы не отнесла. Ну, посоветовалась бы с медсестрой.

Вахтерша удивилась бы еще больше, загляни она в коробку. Там между крышкой и гофрированным белым листом лежала старая фотография: Михаил Столбов стоял возле Дворца бракосочетаний на набережной Невы, держа на вытянутых руках и невесту, и букет.

А на другой стороне фотографии была надпись: «Заходить сюда два раза – плохая примета».

Прошло десять лет.

Часть I

Глава 1

– Через два часа они будут в городе!

– Вообще-то, если они Подосиновец проехали и помех на дороге нет, то через час сорок.

Иван Архипович Воскобойников, начальник департамента экономического развития области, вполголоса обругал Леонтия Юрьевича Подпрыгу, начальника департамента финансов, «расчетливым занудой» и опять уставился на карту области. Казалось, его взгляд чертил вдоль федеральной трассы № 8 пульсирующую красную линию. С каждой секундой невидимая линия удлинялась в сторону города, и кончик ее украшала грозная стрелка. Дойдет – и удар.

Долго на карту любоваться не удалось. В кабинет вошел губернатор.

– И что придумали, орлы? – спросил он с порога, едва не сорвавшись на крик.

– Обратиться к МЧС, напрямую в Москву, – сказал Воскобойников.

– Выставить ОМОН, – сказал Подпрыга.

– МЧС уже не поможет, – зло сказал губернатор, – третий раз повторяю. ОМОН ставить придется. Если ничего умнее не придумаете, чем с ОМОНОм на всю Россию прогреметь.

Вице-губернаторы возражать не стали. Они уже привыкли: когда начальник волнуется, то зовет их в кабинет по селекторной связи, причем не поодиночке, а всех сразу. Когда у губернатора реальный стресс, он, в порядке самоуспокоения, обходит кабинеты подчиненных, спрашивая совета.

Применительно к данной ситуации мандраж губернатора, как и прочих обитателей здания администрации, был объясним. На город надвигалась катастрофа – и до того, как все станет совсем плохо, оставалось часа полтора.

Катастрофа стала совпадением нескольких более-менее обыденных событий. Зима, как всегда, подкралась незаметно и проявилась ливневым снегопадом на севере области. Холодный фронт столкнулся с теплым арьергардом и завалил шестидесятикилометровую полосу пористым, почти влажным снегом. В эту полосу попал изрядный участок трассы № 8, и она за один вечер стала непроезжей. Если, конечно, не расчистить.

Расчистить не удалось. Обычно договаривались с соседней Вологодской областью и снегоуборочную технику перебрасывали оттуда. Но за такое доброе дело полагалось платить. Область же не рассчиталась с соседями еще за прошлогоднюю расчистку. Вологжане заартачились, потребовали погасить долг. Губернатор тоже заупрямился... Себе на беду.

В снежной ловушке оказался весь транспорт, идущий на север. Дорожники расчистили путь к отступлению, им воспользовались легковушки и автобусы. Сложнее было с дальнобойщиками: обходной маневр им решительно не нравился.

Может, в самом начале они бы на него и согласились. Если бы не авансы, полученные от областного МЧС, которое само не понимало всей глубины катастрофы. «Не парьтесь, мужики, перекантуйте денек, мы дорогу расчистим. Термосы, горячее питание – подбросим».

Так и не подбросили, а ждать пришлось сутки, потом вторые сутки. К исходу третьих, когда никакой перспективы выхода не обозначилось, в головах шоферов тридцати большегрузных машин появилась общая мысль: кинули! Нервы и бензин были на пределе. Поэтому, когда кто-то крикнул у костерка: «Айда в город, разберемся с этими уродами», клич подхватили все. Развернулись и помчались. Еще не зная, что сделают с областным руководством, прибыв на место.

Следовало ожидать самого плохого – один из чиновников уже стал заложником бунтарей. Начальник транспортного департамента Крупицын два дня кормил шоферюг бесконечными

«подождите, подождите». Теперь его автомобиль был затерт в середину колонны: не выехать, не отстать. Шоферы подгоняли чиновника гудками и собирались конвоировать до областной администрации, на очную ставку с губернатором. Пусть скажет: своей ли волей врал или по приказу начальства.

Что скажет бедный Крупицын?

Губернатор этого тоже знать не знал и узнавать не собирался. Потому-то областная администрация и ввинчивалась в нарастающий ужас с той самой минуты, когда стало известно о грядущем нашествии на город колонны дальнобойщиков.

И все же еще больше, чем возмущенных шоферов, губернатор боялся неизбежных отзвуков события. Пока что происходившее в области уместилось в рамки погодной сводки, совмещенной со сводкой ГИБДД. Но теперь происшествие пахло открытой формой социального протеста.

– Феденька, ты проверял, утекло что-нибудь? – спросил он.

Федя Кинжальников – начальник информационного департамента, по совместительству пресс-секретарь губернатора и лидер областного отделения корпуса «Наши» – отрицательно помотал головой.

– Все в порядке, Олег Вячеславович. Суббота, тишина, футбол. Дальше области новость не пошла. Только в центральных агентствах есть сообщения со ссылкой на нас, что дорогу расчистим не позднее пятницы.

– И кто тебя за язык тянул? – рыкнул губернатор, забывший, что именно он и тянул.

Феденька благоразумно отмолчался.

На пороге появился Анатолий Стрелецкий, начальник областного УВД. Вообще-то ему бы следовало отслеживать ситуацию в своей конторе и принимать решение. Но главный силовик области надеялся, что заморочка рассосется вне пределов его компетенции. Если дойдет до ОМОНа, то крайним в итоге будет он.

Поэтому Стрелецкий и бродил за губернатором, как за президентом ходит адъютант с ядерным чемоданчиком: я хранитель кнопки, но, когда применять, решать не мне.

– Ты гаишников на дороге выставил? – спросил губернатор, предчувствуя, что собеседник мотнет головой.

– И не пытался. Народ озверелый – увидят ментовскую машину на дороге, так еще по газам поддадут. Надо коммунальную технику ставить, в два ряда. Она вообще-то готова...

Стрелецкий замолчал, и губернатор, казалось, услышал произнесенные слова: «Но без вашей санкции блокировки не будет».

– А с личным составом как?

– Тут тоже не очень хорошо. Половина ОМОНа в Заборском. Пятидесятилетие леспромхоза, следят, чтобы мордобой без поножовщины обошелся.

В кабинете воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным постукиванием ходиков.

– Ну, – наконец сказал губернатор, – будут предложения? Васильич, что скажешь?

Васильич, начальник департамента финансов, самый пожилой участник импровизированного совещания, до того лишь молча вздыхавший, обернулся к начальнику:

– Или блокировать на объездной трассе да еще на Старом шоссе с приказом стрелять по колесам, если пойдут на прорыв. Или...

Губернатор недолюбливал Васильича за то, что его варианты «или» всегда были неприятными. Но терпел все двенадцать лет своей работы, так как лучше, чем он, никто придумать не мог.

– Или просить Столбова решить проблему.

Окружение посмотрело на Васильича примерно так, как набожный аббат взглянул бы на послушника, предложившего вызвать демона преисподней. Однако Васильича интересовал лишь ответ губернатора.

– А что он попросит? – наконец сказал глава области.

– Не знаю, – неторопливо ответил Васильич. – Знаю, что не попросит одного – вашей отставки, Олег Вячеславович. А если блокировать, то без драки не обойдется. Тогда уже завтра утром об этом разстрезвонит вся... – взгляд на Феденьку, чтобы вспомнить нужное слово, – вся блогосфера. Днем здесь телевизионщики, а потом – президентский указ.

Опять немного тишины.

– Звони ему, Васильич, – наконец произнес губернатор, страдальчески поморщившись...

* * *

Полоса снегопада была узкой, а ответвления федеральной трассы на областной центр не коснулась вообще. Поэтому ничто не мешало тридцати фурам на полной скорости приближаться к намеченной цели. Оказаться на пути такой колонны решился бы не каждый самоубийца. «Вольво» и КамАЗы ревели так, будто пытались перегудеть друг друга.

Что делать в областном центре, точно не знал никто. Но с каждым километром, отброшенным под крутящиеся колеса, цель конечного маршрута становилась все дальше и дальше. И это лишь разжигало злость.

Когда до областного центра оставалось километров пятнадцать, лидер колонны понял, что дорога не пуста. Поперек дороги стояла машина – «форд-эксплорер», а перед ней – человек.

Неведомый чужак грамотно выбрал место. Мощные желтые фонари соседней автозаправки освещали его издалека. Смотри, решай: давить или ехать дальше.

Прерывистые гудки слились в неразрывный, нарастающий вой. Казалось, еще миг – и эти звуки поднимут автоприцепы на крыло и они помчатся над шоссе эскадрилей перегруженных бомбардировщиков.

Человек на дороге не шелохнулся.

– Больной? – сказал Вася напарнику.

Не то чтобы Вася рвался в лидеры сумасшедшего набега. Просто он в них оказался. Не отступать же. И он всю дорогу подбадривал себя хриплыми матюгами, взвинчивая в себе решимость снести с дороги любую баррикаду. Ну разве если ОМОН выставит БТР.

Сейчас же азарт Васи разбавило любопытство. Если больной, то откуда такая тачка? За десять лет дальнобойных поездок Вася всякого повидал, психов на дороге видел тоже. Но не с такими машинами.

Все равно, если бы богатый псих стоял сбоку от своей машины или сзади нее, – снес бы на азарте. А так – не смог.

Наверное, можно было бы извернуться, чиркнуть по обочине и объехать ограждение, заодно задев и тачку. Вася отказался от этого маневра не только из-за риска. Любопытство победило.

Едва нажав на тормоза, Вася понял, что стал невольным командиром всего бунта. Его могли бы объехать. Но раз передний решил встать, значит, вставать всем.

Колонна стопорилась медленно и нехотя, со скрежетом и миллиметрами между кабиной и грязными дверцами фургонов. Скрежет еще не успел стихнуть, как его заглушил мат: шоферы высыпали в грязный придорожный снег. Большинство из них, не видевших преграду, просто хотели понять, что случилось.

Они выходили на пространство перед кабиной Васиного КамАЗа, и крики спадали до шепота. Человек на дороге спокойно смотрел на матерящуюся толпу, будто ожидая, пока она соберется вся. Так начальник не начинает разговор, пока не подошел весь коллектив.

В задних рядах, конечно, орали. В передних – нет. Каждый шоферюга, взглянув в глаза незнакомцу, внезапно понимал: если незнакомец обратит на него внимание и ответит, то даль-

нобойщик перестанет быть частью грозного братства. И начнет говорить с этим человеком один на один, будто встретились на безлюдной лесной тропке.

Поэтому незнакомец начал разговор первым:

– Куда груз везем, мужики?

Если бы он спросил: «Куда едем», ответ был бы ясен и прост: «С козлами разобраться!» А так пришлось отвечать по существу.

Минутный гомон толпы подтвердил, что фуры едут в сторону Кирова.

– Значит, вам туда, – сказал незнакомец, показывая на северо-восток. И, не дожидаясь возмущенного ропота, взял ключи от своего автомобиля и протянул Васе: – Держи. Если завтра к полудню дорога не будет свободна, тачка твоя.

Ключ покачивался перед лицом Васи. «Наверное, больной – я», – подумал он.

Передние ряды глядели на ключ с тем же изумлением. Те, кто вышел из машин в хвосте колонны, по инерции договаривали матюги и спрашивали, что происходит.

– А товарища начальника, который у вас в середине болтается, – отпустите. Он вам уже не нужен. Теперь не он, я отвечаю.

Шоферы опять пошумели. Общее мнение было таким: «На кой этот хер нам сдался, пусть катит».

– Здесь через два километра – разворот, – продолжил незнакомец. – Возвращайтесь на трассу. Остановиться можно на заправке в Большаково – там и магазин, и гостиница. Кому не хватит мест, можете доехать до Зимовца. Двадцать километров, дорога нормальная, в гостинице места будут. Вопросы есть?

– Есть, – спросил Дмитрич, – ты кто такой?

– Михаил Столбов. Из Зимовца.

* * *

– Алло, Саша, вечер добрый. Отдыхаешь?

– Так точно, товарищ директор.

Саша, точнее, Александр Егорович, а если уж совсем точно – генерал-полковник войск ПВО Александр Трофимов, действительно отдыхал: занятие в воскресный вечер естественное. Но звонок «товарища директора» – так он называл Михаила Столбова – мигом перевел его в состояние мобилизационной готовности. Если Михаил Викторович хотел бы предложить совместный отдых – подстрелить кабанчика или просто отдохнуть в лесной сторожке на берегу Сухоны, то предупредил бы за пару дней. А просто так, со скуки, Столбов не звонит. Поэтому генерал слушал внимательно.

– Это хорошо. Надо бы подсобить чуток. Ты снег у себя убрал?

– А то! Еще утром выезд расчистили. Слава богу, больше не сыпет.

– Молодца. Надо и гражданским помочь, Саша. Расчистить трассу. От вашего выезда до Вятской развилки. Дальше будет моя забота, а этот отрезок вам по силам.

Генерал хохотнул.

– Чего смеешься, Егорыч? Губернатор тебя о том же просил?

– Ага. Еще вчера утром. И грозился, и умолял. Я ему ответил, мол, без санкции округа работать не могу. Но ради наших добрых отношений полроты выделю, завтра днем приступят, поковыряются.

Теперь уже усмехнулся Столбов:

– Хорошо сказал. А теперь я прошу: можешь к утру расчистить?

В разговоре возникла пауза. Товарищ генерал, протрезвивший себя усилием воли, обдумывал детали.

– К полудню сойдет? – наконец спросил он.

- Нет. К десяти, чтобы я мог проехать.
- Ох, та-арищ директор, ставишь ты задачи, – проворчал генерал. – Да такой приказ из Москвы бы не спустили.
- Потому что в Москве не знают, какие орлы здесь служат. С транспортом у тебя без напруга? Хорошо. Техника и инструмент есть?
- Здесь генерал задумался.
- Есть-то, конечно, есть. Два грейдера погрузим на тягачи, подгоним. Но снеговые лопаты для личного состава не помешают. Штук триста.
- Будут через три часа. Горячим питанием обеспечишь?
- Обижаешь, товарищ директор. Проголодаться не успеют, как полевые кухни подойдут. Сам понимаю, нельзя зимой всухомятку перекусывать.
- Хорошо. Передай личному составу: когда закончат – всем по сто грамм.
- А мне? – усмехнулся генерал.
- И тебе, Егорыч, будет. Сам завтра вечером налью. А уж сегодня выручи, будь другом.

* * *

- Алло, Тонечка, добрый вечер.
- Привет, Миша, – азартно воскликнула Антонина Васильевна, ректор филиала Института правоведения и экономики. В другой раз она непременно обратилась бы к Столбову по имени-отчеству. Но в этот субботний вечер, когда с подругами детства выпит пяток бокалов и отплясано под столько же песен, какие могут быть формальности между старыми друзьями?
- Слышу, у вас весело.
- Ага. Миша, заезжай. Мы в «Славянке», в дубовом кабинете. Я тут одних девчонок собрала, но тебе все рады.
- Спасибо, Тонечка (Антонина, казалось, разглядела улыбку далекого собеседника), спасибо. Загляну к вам, только позже. А сейчас вот какое дело. Твоя молодежь в разгул еще не пошла?
- Нет, Мишенька, дискотека в ДК только через час. Пока что мои бакалавры и магистры только пивком разминаются в общаге.
- Это хорошо. У меня для них другое развлечение. Нужно поехать на трассу и там снежок разметать. Чтобы к утру расчистили до Луныно. Там уже вологодские смежники подсутились. Всех выводить не надо, человек сто пятьдесят хватит.
- Вот те, бабушка, и Юрьев день! Миша, молодняк будет поднять непросто.
- Тонечка, – голос Столбова стал совсем уж проникновенным, – было бы просто, я бы к тебе не обратился. Они, конечно, шепотом будут матюгаться – сам бы матюгался. Но тебя послушают. А еще скажи: Михаил Викторович просит. Каждому – пятисотку. И с ДК договорюсь, чтобы завтра дискотеку повторили, для тех, кто сегодня пропустит.
- Ну, раз партия сказала... – с покорной улыбкой произнесла Антонина Васильевна.
- То пусть комсомол через час подходит к ДК. Только чтобы оделись не на дискотеку. Автобусы уже будут. Инструментом обеспечим, потом подвезем горячий чай с бутербродами.
- Поняла, Михаил Викторович, – сказала Антонина Васильевна уже трезво и по-деловому. – Объявляю антракт, обзвоню преподавателей и старост.
- И отлично. А на ваш девичник я загляну.
- Ты, Мишка, как все мальчишки, – усмехнулась Антонина Васильевна, – у всех отдых, а у тебя – дела. Ладно, все равно ждем. Не разойдемся без тебя!

* * *

– Добрый вечер, Анатолий Николаевич. Не помешал?

Другому нахалу, позвонившему в поздний вечерний час, председатель районного отдела «Единой России» с готовностью ответил бы: конечно, помешал! Но сейчас было исключение.

– Это хорошо. Вот, непорядок, Анатолий Николаевич, – с шутливой укоризной сказал собеседник. – Снежок завалил нашу трассу – знаете? Солдаты лопаты взяли, студенты лопаты взяли, а чего «Единая Россия» сачкует? У вас же партия начальников. У кого бульдозер, у кого грейдер. Я уж про ДРСУ не говорю. Попроси их побыстрее вывести все мощности.

– Команды из Москвы не было, – вяло сказал Анатолий Николаевич, понимая, что отмазка не пройдет. И не ошибся.

– Так Москве нет дела до наших дорог. А нам есть. Так что, Анатолий Николаевич, ждем подмоги. Партийцев, как мне помнится, в районе у нас четыреста душ, из них триста в райцентре. Ветераны войны, мамы многодетные, конечно, не в счет. Но сто мужиков покидать снег найти можно, так, товарищ председатель? А начальнички пусть дома посидят, но технику пришлют. Или сами выезжают, с лопатами.

Товарищ председатель вздохнул, убавил ленивчиком телевизионный шум и согласился.

– Вот и отлично. Партийный народ, как мне известно, при машинах. А безлошадных ждем у ДК, пусть садятся к студентам в автобусы. Надо, Анатолий Николаевич, подвиг совершить – до утра освободить трассу. Согласны?

«Не наше это дело! И не ваше дело привлекать партийцев!» – хотел сказать Анатолий Николаевич. И опять не сказал. Наоборот, издал очередной вздох согласия.

– Замечательно. Славу можете взять себе – не обижусь.

«Слава – это хорошо. А не собираетесь ли вы, Михаил Викторович, вступить в нашу партию?» – хотел было сказать Николаич. Но промолчал и на этот раз.

* * *

Небо было изумительно-синим: трудно поверить, будто два дня назад с него валил снежный ливень. Так же трудно поверить, что еще ночью по тридцатикилометровому отрезку трассы можно было проехать лишь на «Буране».

Конечно, и сейчас, в половине двенадцатого дня, дорога не выглядела эталоном чистоты и проходимости. Если легковушки проносились по ней более-менее свободно, то фуры осторожно ползли, а такой же встречный большегруз или бульдозер, подчищающий края, принуждал расходиться впритирку.

И все же трасса снова стала трассой!

О том, что здесь происходило ночью, говорили только свежие сугробы по обочинам да надписи на них. Часть дистанции сообщала, сколько и кому осталось до дембеля да еще откуда родом служивые: «Слава и Вася из Самары», «Петруха и Колян, привет городу-герою Орлу!» Дальше надписи пошли разнообразней: «Юрфак круче всех!», «Слушайте крысы – мы фанаты „Алисы!“», «Ваня любит Олю из третьей группы». Три раза кто-то пытался провозгласить «Спартак» чемпионом, но каждый раз надпись затирали ногой и чемпионом объявляли «Зенит». Кто-то творил пальцем, кто-то лопатой, кто-то – собственной струей.

Наконец снежные граффити закончились. Впереди был участок, столь же коряво, но все же проходимо расчищенный техникой.

Васин КамАЗ притормозил возле Столбова. Тот показал на часы.

– Без четверти полдень, – вздохнул Вася, – а я к вашей машине уже присмотрелся...

– Ну не повезло, уж звиняй. На хозяина работаешь?

– Ага.

– Будешь работать на хозяина – зырь только на секонд-хенд или на всеволожские «форды». Хочешь такую тачку – работай на себя. Покупай, вози, продавай. Сам так начинал.

Вася хотел то ли возразить, то ли согласиться, но Столбов его перебил:

– И в следующий раз не быкуй, как вчера. Спасибо, на меня нарвался. Сам подумай: что дешевле – трассу за ночь расчистить или из кустов по колесам из РПГ шмальнуть?

– Так это совсем уж беспредел. И проблемы потом.

– Верно. Но тебе от этого легче было бы?

Вася не ответил, а только еще раз взглянул в лицо Столбову. И еще раз порадовался, что прошлым вечером не стал артачиться и рваться в город, а поверил.

– Счастливого пути, дальнбой.

Вася закрыл дверцу, прогудел и стронул КамАЗ. Колонна протянулась следом, каждый, проезжая мимо Столбова, выпускал в морозный воздух длинный гудок.

Столбов уже садился в машину, когда мобильник затрясся в кармане.

– Слушаю. Васильич? Хорошо, подожду.

Минуты через три подъехал «мерседес» из губернаторского гаража, естественно, черный. Из него вышел вице-губернатор.

– Поручили проверить работу? – усмехнулся Столбов.

– Самому было интересно, управишься ты или нет. Вот проехал.

– Сам губернатор не хочет спасибо сказать?

Васильич сделал гримасу, которую можно было понять так: ты еще попроси его совершить суицид.

– Ну не хочет, вольному воля. Меня одно интересует: как так можно, десять лет просидеть в губерах, а отношений с вояками не выстроить? Или всерьез поверил, что армия уже не нужна?

Васильич смолчал и тут. Но все же после короткой паузы – мороз подстегивал – тихо спросил:

– Одно не могу понять: зачем это тебе нужно?

– Что «это»?

– Ну, все, что ты в районе делаешь, и вообще, не только в районе. Ты со своими подходами мог бы сейчас нефтью ворочать на миллиарды, был бы в первой десятке российского «Форбса». К тебе сейчас олигархи приезжают порыбачить, а ты сам бы с ними пил коктейли в Куршевеле. Амбиций нет?

На этот раз помолчал Столбов. Посмотрел то ли на скудное зимнее солнышко, то ли на ворону, улетающую с недоеденным студенческим бутербродом.

Наконец ответил:

– Амбиция есть. Одна.

Какая именно, так и не сказал. А Васильич и не переспрашивал. Потому как прекрасно знал: раз не сказал сразу, значит, и не скажет...

Глава 2

«Что же в итоге я там обнаружу? – думала Татьяна, – ваххабитов, секту экстрасенсов или обычного фашиствующего нарколога? Если ваххабитов, то с меня коньяк Сашке. Если экстрасенсов, то придется трижды поцеловать Артура в его вечную щетину и проставить пиво. Но ежели верна моя версия, то они оба сделают мне троекратное ку на редакционной планерке и отведут в суши-бар».

Тане ничего не оставалось, как гадать. Альтернативных занятий немного: бумажного чтения не захватила, а верный спутник в поездках, ноутбук, впервые за пять лет ее подвел. Коллег, считавших, что ноутбуки надо менять, как «тачки», раз в два года, Татьяна не понимала. Памяти хватает, клавиша не расшатана, чего от добра добра искать. «Асик», как она называла ноутбук, ее не подводил, какие бы приключения с ними ни случались. Он, будучи в сумке, пережил и пинок от омоновца во время пикета против уплотнительной застройки, и падение на пляжную гальку, уже без сумки. Однажды его чуть не конфисковала эстонская полиция, а на следующий год – отряд осетинских ополченцев.

Однако все обходилось... до сегодняшнего утра, когда «Асик» не включился. Татьяна грешила на аккумуляторы, но, если даже и была права, все равно, пока не подключишь – не проверишь.

Поэтому Татьяна разглядывала незатейливый весенний пейзаж, еле-еле встающий в рассветной дымке, и гадала, куда же едет – к ваххабитам или сектантам?

Командировка относилось к известному журналистскому жанру «Письмо позвало в дорогу». Вообще-то ей, начальнику отдела социальных проблем, мотаться в такие поездки уже не по статусу. Но хотелось выиграть пари, да и самой было интересно.

Письмо было от некоей москвички, излечившей сына от алкоголизма и сто раз пожалевшей об этом.

«Если бы я знала, что Костю подвергнут зомбированию, я бы никогда не отправила его в Зимовец. Но я слышала множество положительных отзывов о центре „Надежда“ и решила попробовать и этот шанс. Моего сына взяли на лечение после собеседования со мной. Тогда я услышала странные слова, которым поначалу не придавала значения: „Будьте готовы к тому, что Константин не захочет вернуться Москву“. Естественно, я пропустила мимо ушей такую глупость.

Прошло полгода. Костя, если верить телефонному разговору с ним и директором центра, излечился от алкоголизма, но возвращаться не спешил. Наконец приехал домой и с порога убил меня заявлением о том, что не собирается восстанавливаться в МГИМО. По его словам, он получит высшее образование заочно, а пока намерен работать экспедитором. Самое ужасное, что он приехал на каком-то ужасном фургоне.

Я немедленно позвонила в Зимовец, но директор центра даже не пытался меня понять. „Вы просили спасти Костю, – говорил он, – вот мы и спасли – подобрали работу, требовавшую от него ответственности“. Я навела справки и поняла, что не единственная жертва „Надежды“. Помогите мне, дорогая редакция!»

– Я тоже навел справки, – сказал фотограф Артур, разыскавший в редакционном архиве письмо про «Надежду». – Вот еще прикольная история: отвезли в Зимовец мерчендайзера, а он вернулся в Москву и стал плотником. Думаю, это какое-нибудь языческое кодирование: «вернись к дереву, вернись к природе, вернись к корням».

Спецкор Сашка тут же вспомнил занятную историю про такой же наркологический центр в Томской области. Там тоже возвращали в люди самых запущенных алкашей. Потом выясни-

лось: всем заведовал мусульманский проповедник и трезвенники становились членами уммы при местной мечети...

– Дудки, – возразила Татьяна. – Никакие это не ваххабиты и не язычники. Обычный советский нарколог с хорошим стажем и собственной методикой, не принимаемой государственной медициной: приковать к койке наручниками, заставить отжаться полсотни раз. Да просто побить, если считает нужным! Нашел спонсора, нашел глухомань и создал там реабилитационный центр, где ему никто не указ. Зависимость снимает, а то, что мерчендайзеры идут в плотники... Так... Побочный эффект.

Артур прицепился к последнему пункту, заметил, что такой установочный сдвиг возможен, лишь если лечение сопровождалось какой-то идеологической накачкой, а не просто побоями вприсядку. Опять заспорили – ваххабиты или секта...

В итоге Татьяна решила сама съездить в этот самый Зимовец и выяснить, кто прав – она или коллеги. Заодно освежить репортерские навыки – нехорошо править чужие репортажи, забыв, как писать самой. Да и отдохнуть от различных проблем, как и полагается в поездке...

Отдохнуть не удалось: одна проблема уже возникла. Оставалось лишь разглядывать пасмурный пейзаж за окном и гадать, удастся ли наладить «Асик» в городе Зимовце...

* * *

Татьяна ощутила легкий дискомфорт и легко диагностировала его – чей-то пристальный, настырный взгляд. Подождала пару минут – не надоест ли таращиться? Но у незнакомца дорожных занятий было еще меньше, чем у нее, поэтому он продолжал смотреть.

Не то чтобы совсем уж незнакомец. Этого мужичка Таня приметила на областном автовокзале и поняла почему: не смогла сразу квалифицировать. Ей самой приходилось путешествовать немало, так что в голове уже сложилась личная разрядная книга. Но данный индивидуум пусть уникальностью и не отличался, но не подходил полностью ни под одну категорию одиноких путешествующих мужчин.

Не дембель – не тот возраст и формы нет. Не командированный управленец или бизнесмен – вместо портфеля клетчатая сумка, одет в дрянную куртку. Но и не работяга, едущий с заработков, – настороженный, волчий взгляд. Соединив совокупность признаков с татуировками на руках, Таня определила незнакомца: откинувшийся зэк, едущий домой.

Побочное следствие любопытства – зэчара принял ее взгляд как попытку познакомиться и проявил инициативу. Журналистский интерес к таким типажам Таня утратила давно, потому отшила его сразу.

– Ну, смотри, девонька, – то ли обещающе, то ли угрожающе сказал попутчик, – в Зимовец едешь? Там познакомимся.

Пока же только сверлил ее взглядом с заднего сиденья, развалившись, вытянув ноги в салон и посвистывая какой-то унылый мотивчик.

* * *

Районный центр Зимовец начал удивлять Татьяну, едва она вышла из автобуса. Автостанция выглядела даже лучше, чем областной автовокзал. Новенькие перроны и навесы, свежеекрашенные скамейки. Зал ожидания прост, функционален и чист. И даже имелся бесплатный туалет. Вернее, добровольно платный – табличка на стене предлагала посетителям оплатить посещение туалета «на ваше усмотрение».

«Забавно. Много ли провинциальных идиотов?» – спросила себя Таня. Присмотрелась к ящику, поняла, что немало. Сначала решила избавиться от мелочи, но, заметив на дне парочку бумажных червонцев, устыдилась столичной скаредности и достала десятку.

Пощелкала по стеклу – пожалуй, рукой не разбить. Покачала ящик – закреплен, не унести. «Все же Россия», – подумала она, но поймала себя на мысли, что больше нигде ничего подобного в России не видала.

Комфортабельный автовокзал так поразил Таню, что она даже подзабыла угрюмого попутчика. Выходя со станции, заметила его в окружении двух аборигенов. Те о чем-то оживленно беседовали, видимо, тем для воспоминаний у них было столько, что откинувшись зэку недосуг было вертеть головой по сторонам.

Или все же заметил недавнюю попутчицу, но от разговора отвлекаться не стал.

* * *

Прогулка по городу была неизбежна – Борис Борисович, директор реабилитационного центра, назначил встречу на двенадцать дня. Теперь прогулка наполнилась дополнительным смыслом: починкой ноутбука. Да и сам Зимовец интересовал Таню все больше и больше. Город поражал не роскошью: она видала газовые городки на севере, где машин больше, чем жителей. Поражал мелочами. К примеру, столбом с указателями при выходе с автовокзала. Или городской автобусной остановкой с поминутным графиком всех трех маршрутов.

Вокруг буйствовала весна, радостное и грязное время. Однако чудо – тротуар оставался сухим, будто его не подтапливали окрестные сугробы. К тому же теплый весенний ветерок не оскорблялся гадким запахом собачьих подснежников. Таня даже обрадовалась местной жительнице с таксой на поводке: вдруг в этом городе ради чистоты ликвидировали всех собак?

На одной из улиц Татьяна обнаружила вывеску «Народное кафе „Лукошко“». К таким заведениям она относилась с насмешливой опаской: или цены окажутся антинародными, или сервис народный в худшем смысле слова, а скорее и то и другое вместе. Но ни одно опасение не оправдалось: светло, опрятно, очень много посадочных мест. Цены радовали, а еще больше – размер порций, поднос с бесплатным хлебом, огромные, чуть ли не полулитровые, чайные кружки и столик с разными специями. Клиента здесь уважали.

Посему Татьяна не удивилась, когда уборщица – не бабка, а девица – разрешила ей подключить ноутбук. Компьютер радостно пискнул, подмигнул синим огоньком, и Таня поняла, что проблемы лишь в аккумуляторах. Это радовало.

Оставалось найти ремонтный салон. Вообще-то такое удовольствие обычно бывает лишь в областном центре. Но Татьяна уже поняла: Зимовец – город чудес. Поэтому опять спросила уборщицу.

– Вам нужен «Электроник». Или «Байт». Еще в универмаге есть компьютерный отдел. Если вы знаете, что хотите купить, посмотрите на сайтах.

Таня не успела удивиться, как поняла: здесь есть вай-фай. Уточнив, что для посетителей Интернет бесплатный, она по совету уборщицы нашла сайт города Зимовец – сразу же добавила его в закладки, добралась до общей страницы трех компьютерных магазинов с перечнем товаров.

Уборщица отвлеклась на мобильный разговор.

– У меня смена еще не закончилась. Передай, что ко второй паре я подойду.

«Тут что, студентки работают уборщицами?» – удивилась Татьяна.

Сколько же еще чудес и сюрпризов принесет этот город? Ей казалось, будто он входит в тайный федеральный проект «Нормальная Россия».

* * *

– Борис Борисович, почему ваши пациенты остаются в Зимовце?

– Во-первых, не все. Меньше половины, – улыбнулся главврач реабилитационного центра. – А во-вторых.... Почему люди обычно запивают? Из-за депрессии. А у нас не депрессивный город. Поэтому они интуитивно хотят остаться там, где наименее вероятен рецидив.

Татьяна и главврач беседовали уже больше часа. Кабинет оказался уютным, а собеседник – доброжелательным, не мулла и не лидер секты. Особых секретов в его работе тоже не нашлось.

– Наша работа делится на два основных этапа. Сначала просто выводим пациента из запоя. Как? Без физических и психических травм, без чакр и заговоров. Это как раз не самое трудное. Я потому и ушел из областной клиники, что там ограничивались первым этапом. Взяли деньги у семьи, из запоя вывели и отпустили до нового запоя.

– В чем же заключается второй этап?

– Мы ждем, когда пациент придет во вменяемое состояние, и вместе с ним выясняем: что он хочет от жизни? Вернее, что он может хотеть. Если ответа нет, даем ему обычные рекомендации и прощаемся. Если же мы понимаем, что у этого человека есть какая-то ценность, ради которой можно не пить, начинается второй этап. Я сразу уточняю: большинство наших клиентов – не московские юноши, из-за которых вы приехали. Это сокращенные рабочие, отставные военные или другие люди, не знающие, для чего жить. Очень часто такому человеку надо просто, как сейчас говорят, потусоваться с людьми, у которых есть тяга к жизни. Если вернуться к вашему московскому мальчику: ему внушили, что работа даже экспедитором, не говоря уже про обычного шофера, – позор и унижение. Дипломатом ему не стать по характеру, а шофером – из-за социально-психологической установки. Ему понадобилось несколько месяцев пообщаться с людьми, которых он прежде считал социальным отребьем, и увидеть, что они чувствуют себя увереннее, чем он. Особенно здесь, в Зимовце.

– Я в вашем городе всего несколько часов, но все сильнее и сильнее убеждаюсь в одном.... Вы согласны, что в любом другом городе России ваш центр работать бы не смог?

Нарколог ответил не сразу, но уверенно:

– Да. Именно так. В другом городе я мог бы только выводить из запоя.

– А вы можете кратко объяснить эту замечательную аномалию.

– Да. Кратко и в двух словах: Михаил Столбов.

Глава 3

Мемориальные доски: «В этом доме с 1959 по 1997 год жил Герой Советского Союза летчик-истребитель Иван Николаев». «...С 1952 по 2003 жила заслуженная артистка РСФСР Анна Степченко». «Отсюда ушел на Чеченскую войну Герой России Андрей Гордеев, 1976–1995 годы». Отметить, что на некоторых домах две или три таблички: герои, деятели культуры, управленцы.

Три светофора с таймером обратного отсчета. Возле рынка – с пищалкой. Спросила: рядом интернат для слепых? Дэпээсник: нет, светофор для бабушек.

Рынок. Чисто. Палатка контрольных весов – на видном месте. Один ряд – южные гости продают фрукты, другой ряд – местные бабки, картошка, соленья, грибы.

Перед входом на рынок: «Улыбнитесь, вас снимает веб-камера».

Тревожная кнопка – видела в двух местах. Тот же мент сказал: приезжаем в три минуты.

ДК. Шубами не торгуют. Стенд. Кружки, секции, лекции. Местный театр – участник Авиньонского фестиваля.

Гостиница. Холл – бесплатный чай.

У Татьяны еще со стажерских времен сложилась привычка заносить в блокнот, а потом и в ноутбук короткие записи о том, что бросилось в глаза, что запомнилось. Это как некая сушеная травка: кинул листик в кипяток, и сразу всплыли ароматы летнего луга. Если такие записи не делать, половину упустишь.

Кстати, насчет травки... Может, Зимовец посажен на какой-нибудь наркотик? К примеру, пьянство не побеждено, а вытеснено кайфом?

Конечно, приводить в порядок путевые заметки можно и в гостинице. Но Татьяна решила дополнить познания о городе наблюдениями за ресторанной жизнью. К тому же хотелось поужинать.

Дежурная за стойкой сразу же предложила ей поужинать в круглосуточном «Лукошке», а когда Таня сказала, мол, нужен ресторан, где не очень шумно, порекомендовала «Юбилей».

– Самое место спокойно поужинать. – И добавила, подпустив в голос легкую игривость: – Знакомиться там хорошо, в «Юбилей» ходят люди приличные.

Таня поблагодарила, не став уточнять, что ресторанные знакомства в Зимовце в ее планы не входят.

В ее – да. Но, похоже, кто-то такие планы имел...

Сегодня был вторник, не день массовых посиделок. Лишь в центре ресторанный зал звенел бокалами и хихикал большой девичник, а за другими столиками – компании по несколько человек и отдельные парочки.

Татьяна продолжала делать пометки в файле будущей статьи о Зимовце, заодно оглядывая окружающих, – как ни крути, а тоже важный срез местной обстановки.

Если сравнить с прежними провинциальными наблюдениями, город не выглядел депрессивным. Вот взять тот же «Юбилей». Не пятница, не выходной, а зал почти полон. Такой категории, как бедная школотка или бедный менеджер, – взять бутылку водки, графин сока, да этим и ограничиться, – здесь не наблюдалось. Люди пришли и пообщаться, и поесть.

Соседи по залу отвечали Тане взаимностью – бросали на нее осторожные и удивленные взгляды. Человек, сидящий за ресторанным столиком с открытым ноутбуком, был для них в диковинку.

И лишь из-за одного столика на нее не поглядывали, а пялились – откровенно и нагло. К сожалению, это был единственный местный обитатель, с которым Татьяна знакомиться ни под каким предлогом не собиралась. Тот самый попутчик по автобусу.

Ужинал он не один, а в компании двух приятелей – хмырей примерно его возраста, разве чуть благообразней видом. Музыка в «Юбилее» звучала тихая, фоновая, поэтому Таня периодически слышала реплики возвращенца и его приятелей.

Да, ее изначальная догадка подтвердилась: дядька вернулся в Зимовец из мест не столь отдаленных (скорее всего, в полном смысле этого слова – только в этой области находились три колонии). Суть разговора сводилась к рассказу приятелей о жизни родного города за какой-то отрезок времени, судя по всему, не очень-то и короткий. Зэк расспрашивал, собеседники ему отвечали и, похоже, от чего-то предостерегали. Он спорил, махал руками, подливал водку себе и приятелям, матерился... И при этом то и дело поглядывал на Татьяну с прежним интересом.

Она, не обращая на него внимания, делала новые записи. Вай-фай в «Юбилее» не было, поэтому для сбора и уточнения разной полезной информации о городе Зимовце Таня использовала модемный Интернет.

Область, конечно, не бедная: мощная химия в областном центре, с импортной ориентацией. Магистральный газопровод и лесной комплекс. Из всех этих радостей источником процветания Зимовца мог быть лишь лес.

Города, окруженные леспромхозами, Татьяна видела не раз – безрадостная картина. Иномарки на разбитых улицах, недостроенные особняки, мордобойные попойки в невзрачных заведениях. Все, что она обнаружила в Зимовце, не объяснялось тем фактом, что неподалеку от города с выгодой рубят лес.

Кстати, владелец одного из леспромхозов – тот самый Столбов, о котором она услышала от нарколога. Неужели ему хватает доходов от своего производства на такие серьезные спонсорские программы? Надо бы погуглить побольше, позвонить знакомым...

– Слышь, я присяду. Ничего?

Еще не оторвав взгляд от экрана, Таня поняла: тот самый зэк-освобожденец. По раздавшемуся следом скрипу стула также поняла – дядька уселся без разрешения.

Конечно, можно было бы поболтать и расстаться. Но за пять минут этот крендель всяко не отвяжется, да и не хотелось прерывать работу.

– Ничего хорошего. Пересядь за другой столик, – не поднимая головы, сказала Таня.

– Девонька, ты лохычески-то мыслить умеешь? Посмотри: ты одна, я один. Ты скучаешь, раз в эту дурынду уперлась, я тоже скучаю. Давай вместе посидим – веселей будет.

Татьяна могла ответить, что он-то как раз не один и мог бы вернуться к оставленной компании. Но промолчала, не желая ввязываться в разговор. Бросила взгляд по сторонам: в зале сейчас две официантки, но обе в стороне, склонились к столикам, обсуждая меню с клиентами.

Частичное знакомство с гражданином все же состоялось. Рукав рубашки хмыря задрался и Таня прочла его имя – Колян.

– Молчишь. Не уважаешь, значит. Это зря-я-я, – протянул зэк и тут же сам приступил к «лохыческому» мышлению: – Кто ты такая? Шалава? (Пауза, ожидание реакции, однако Таня не стала замечать оскорбление.) Не, не шалава. Тогда кто? Наверное, прокуророчка.

«Интересно, он до этого ноутбуки видел только у прокуроров?»

– Я помню такую прокуророчку, вроде тебя. Ну, она чуть потолще была, в очочках, в пиджачке-галстучке, а вот такая же сука! Жизнь мальчонке погубила! Мамой клянусь, не забуду!

Огорчение Татьяны перешло в легкое беспокойство. Она поняла, что злость хмыря была не наигранна. Водка пробудило в нем не самое радостное воспоминание о недавней жизни.

– Коль, оставь ее на фиг. Не нарывайся...

Краем глаза Татьяна заметила, что собутыльники Коляна подошли к месту конфликта и пытаются оттащить друга. Пока безуспешно.

Таня еще усердней уставилась в монитор, но экран дрогнул от щелчка по крышке корпуса. Незванный сосед требовал внимания.

Ну его в пень! Сиди и жди, чего он дальше выкинет! Хватит. Журналистка тоже решила привлечь внимание, тем более одна из официанток освободилась. Она ударила ножом по пепельнице так громко, что Колян на миг прервал монолог.

Официантка подошла быстро. Можно сказать, подпорхнула.

– Гражданин хочет сидеть за этим столиком, – сказала журналистка. – Вы можете пересадить меня к окну?

– Я и туда подсяду, – ответил Колян, невежливо отпихивая заботливых друзей. – Я шесть лет хотел с товарищем прокурором поговорить!

Татьяна захлопнула ноутбук. Неизвестно, что будет дальше, но «Асик» пострадать не должен.

Официантка, вместо того чтобы пуститься в уговоры, вынула мобилу. Сделала несколько шагов в сторону, что-то сказала...

Минут через пять, заполненных скандалом Коляна с друзьями, в зал вошел поджарый и подтянутый мужчина лет под пятьдесят. «Типичный отставник, – пришло в голову Татьяне. – Причем из тех, что не спиваются, а находят себя в новой жизни». Про себя Таня окрестила этого человека «майором».

Майор оценил ситуацию еще быстрее официантки.

– Тише, – обратился он к одному из друзей бывшего зэка, чуть ли не во весь голос объяснявшему Коляну, как он себя неправильно ведет.

Потом вошедший просто взглянул в глаза Коляну. Это был настоящий взгляд-исследование, для сбора нужных сведений.

И они были собраны.

– Сел за свой столик, – негромко произнес майор. – За пять минут доел-допил, рассчитался, ушел. Понял?

Колян молчал. Соглашаться было запаadlo, а возражать... Наверное, боязно. Обостренным чутьем сидельца почуял в незнакомце силу и авторитет, а жизненный опыт нашептал в ухо лучше не вякать и не переть на рожон.

Друзья, увидевшие живой аргумент своим предостережениям, клещами впились в руки освобожденца.

– Командир, – встрял один из них, – вы уж помягче, пожалуйста. Коля только-только откинулся, приехал, не знает, как тут у нас...

– Тогда объясни Коле, что у нас не быкуют. А то вчера откинулся, завтра перекинулся. – Потом официантке: – Леночка, рассчитай этот столик. Если за десять минут не уйдут – звони. У вас все в порядке? – уже Татьяна.

– Да, – вымученно улыбнулась она, – все в порядке. Спасибо.

Следовало бы пригласить «майора» к столу, поговорить о системе безопасности города Зимовца. Но тот уже шагнул к дверям крепкой командирской походкой.

* * *

В действиях не представившегося «майора» Татьяна обнаружила лишь один изъян: он предложил Коляну и доесть, и допить. Учитывая ограниченность временного лимита, тот сосредоточился на второй части программы и успел приговорить полбутылки водки. Как заметила Таня, поглядывавшая на недавнего обидчика, если друзья наливали в рюмки, то он вывалил оставшееся в запивочный стакан и хлопнул залпом.

Новая порция водки взбодрила Коляна и он громко возразил друзьям:

– Чего дергаться? Сказали же, чтобы я рассчитался. А я шесть лет рассчитаться хотел за жизнь погубленную...

Друзья начали наперебой убеждать Колю, что случай не тот, и того прокурора здесь нет, и вообще «залупаться не надо, предупредили же». Зэк хорохорился, но – Таня засекала по часам время ухода «майора» – покинул ресторан через пять минут.

Чтобы быстрее забыть происшествие, она опять приступила к виртуальному исследованию города Зимовца. Пыталась обнаружить причины благоустроенности этого города. Причем смотрела все подряд: сначала общая картина, потом детали.

Современная история города была скорее печальной. К примеру, главным событием на пересменке века стало банкротство «Северного станкозавода», окончательно свершившееся в 2003 году. Правда, главное предприятие города совсем уж не погибло. Четыре года спустя кандидат в областную думу от КПРФ приводил печальный пример «Станка» как пагубность реформ: раньше предприятие выпускало тридцать видов оборудования, а сейчас-де клепают какие-то контейнеры.

Иных сведений о городе было мало. Даже на официальном сайте областной администрации. Пробежавшись взглядом по новостям, Таня пришла к странному выводу: новостей из Зимовецкого района нет. Где-то открывали новый мост на федеральные деньги, школам и больницам вручали гранты по нацпроектам, а вот о Зимовце – ни слова. Правда, пройдясь по статистике, обнаружила, что из двенадцати районов области лишь один не получает субвенцию из областного бюджета – Зимовецкий.

Продолжая поиски, Таня обнаружила, что в окрестностях города есть мощный стекольный завод. Судя по той же областной статистике, район был на первом месте по производству пиломатериалов. Но вникать в это не стала – двенадцатый час. Заведение работало до последнего клиента, и у Татьяны возник шанс оказаться именно им.

Она расплатилась, признав местные цены вполне гуманными, и вышла в ночной бодрящий мартовский морозец.

До гостиницы было недалеко, городские власти на уличном освещении особенно не экономили, и Таня неторопливо шла, любуясь городом. «Интересно, – подумала она, – неужели муниципальный транспорт ходит здесь до половины двенадцатого ночи?»

Ответить на вопрос она не сумела. Одинокий гражданин, сидевший в остановочном павильоне, шагнул к ней. И Таня узнала Коляна.

Что он тут делал, просто отдыхал или поджидал ее, куда-то сплавив дружков, Таня выяснять не хотела. Главное, избежать продолжения знакомства. И это было возможно – весь вечер Коля явно больше выпивал, чем закусывал, поэтому быстрой у него была лишь речь.

– Ну, теперь рассчитаемся, сука! – прохрипел он. – Где же твоя крыша? – И потрусил к Татьяне.

Она увернулась и рванула по улице. Колян – следом. Нетвердость в ногах компенсировалась упорством. К тому же убежать по ночному незнакомому городу – не лучшее занятие. Попадешь в тупик там, где ты меньше всего ожидаешь.

«Может, подпустить, дать по яйцам и уйти?» – подумала Таня. Но она устала за день и не была уверена, что добьется нужного эффекта с первого удара. Думать о последствиях промаха не хотелось.

И тут она вспомнила здание, мимо которого пробежала, – универмаг. Оно было темным, лишь на стене мерцал какой-то огонек. Это же кнопка тревожного вызова!

Таня ткнула пальцем в кнопку, крикнула в черный динамик: «На меня напал хулиган» – и успела отскочить. Колян на миг замер, пытаясь понять, что она сделала. Потом рявкнул:

– Сука! Статью шьешь?! – И рванул с медвежьей резвостью.

Задача осложнилась: далеко убежать от места вызова не следовало. К счастью, универмаг располагался на перекрестке трех улиц, и Татьяна выскочила на середину маленькой площади. Заложила один вираж, другой, чуть прибавила, когда преследователь ее почти коснулся.

Увеличила отрыв на несколько метров. И поскользнулась. Упала не полностью, удержалась на руках, но слегка ободрала ладонь об асфальт. Вскочила из стайерской позы и, чуть не упав опять, отскочила. Успела ощутить, как рука Коляна прошлась по коже рюкзака. «Не матерился бы, берег дыхание, может, и схватил бы», – отстраненно подумала она.

Колян, казалось, уловил мысль. Теперь он продолжал догонялки, лишь ожесточенно дыша. От этого хрипа Тане стало страшно. Вместо кружения на пяточке следовало рвануть по улице. Но там не горели фонари, и страх услышать топот за спиной в темноте был хуже всего...

Таня чуть не упала от яркого света, брызнувшего ей в глаза. На площадь влетел ментовский козелок.

Она предпочла остаться на месте. Колян общаться с правоохранителями не собирался, но погоня так утомила его, что он проковылял еще десять шагов, пока повторенное «Стоять!» не подкрепило тычком в спину.

– Суки! Конвой вызвала? – хрипел он, когда его, уже в наручниках, протащили мимо Тани.

– Девушка, у вас все в порядке? – спросил сержант.

– Вроде да, – ответила Таня и только тут поняла, что пару раз коснулась белой куртки ободранной рукой и слегка запачкала ее кровью.

* * *

...Ментовка города Зимовца оказалась самой обычной районной ментовкой: последней ремонт двадцать – тридцать лет назад, старая мебелировка, унылый энергосберегающий свет, советские пыльные плакаты. Разве что, по прикидкам Татьяны, в городе такого масштаба вечером в обезьяннике должны были сидеть пять-шесть клиентов, а здесь Колян оказался единственным посетителем. «Верно, в выходные обезьянник и здесь не пустует», – подумала Татьяна.

Ей пришлось дать показания. Дежурный лейтенант позвонил в ресторан. Как расслышала Татьяна, там подтвердили начало инцидента, обещали засвидетельствовать, если нужно.

Никаких незаконных мер к Коляну не применили, но, похоже, решетка обезьянника протрезвила его не хуже самых проверенных технологий нарколога Бориса Борисовича. Колян уже не обещал рассчитаться с прокурорами, даже не ругался, а печально глядел в пол и оправдывался: мол, ошибочка вышла, вернулся в родной город после долгого расставания, выпил слегка. Ну, с кем не бывает. Перед Таней скомканно извинился, добавив: сами должны понимать, как зона меняет человека. Меня ведь и закрыли-то ни за что, особенно по второму разу. «Рецидивист – это тот, кому не везет», – философствовал он.

Когда показания окончательно перешли в философию, сотрудники предложили Коляну заткнуться. Лейтенант сказал капитану:

– Вообще-то, административку впаять как нефиг делать. Но случай нестандартный – три ходки. А как откинулся – так в первый же вечер чуть до статьи не дотянул.

Колян не согласился – опять попросили заткнуться.

– Это для тебя, Вань, случай нестандартный, – ответил капитан, – ты второй год служишь. Знаешь, сколько таких фрутов – откинулся и в родные края. Погулять до новой ходки. Слышь, один вообще рекорд Гиннеса поставил. Тридцать минут на свободе. Вышел из ворот колонии, перешел дорогу, а там лабаз. Он его грабанул, там же его и повинтили. Вот так-то... Но вообще история непростая. Раскаяния не видно. А еще не видно осознания, – взгляд на Коляна, протестовавшего одними гримасами, – осознания того, что быковать, залупаться или, культурно выражаясь, проявлять криминальные замашки в нашем Зимовце – нежелательно и опасно. Значит, надо звонить Андреичу, пусть решает.

По обстоятельствам разговора Татьяна поняла, что Андреич – начальник районной милиции, но прямо сейчас подъехать не может – на федеральной трассе, проходящей через район, случилась серьезная авария и он там.

– Через час подъедет, – сказал капитан. – Говорит, что проблему понял и уже вызвал экспертную группу. Раньше него будут.

После этого сотрудники еще раз спросили у гражданочки, не пострадала ли она, и предложили отвезти в гостиницу. Но тут уж Татьяну обуяло профессиональное любопытство. От недавнего страха осталась лишь слегка саднящая ладонь. Зато адреналин без остатка поборол сонливость и призывал к деятельности. Потому Таня немедленно представилась и начала расспрашивать, в первую очередь о тревожной кнопке. Расспрашивала она лейтенанта, так как капитан отъехал по какому-то делу.

Ее заход «Сколько была в маленьких городах, а такого не встречала» оказался удачным, и ей удалось пробудить краеведческий патриотизм лейтенанта. Он соглашался, да, здесь отлично, сам раньше хотел служить в областном центре, а теперь не жалею, что сюда попал. Насчет Коляна, задремавшего в обезьяннике, лейтенант говорил, что это случай особый и нетипичный:

– Он шесть лет в родных краях не был. Не знал, что у нас все изменилось.

– А что изменилось?

– Как вам бы сказать получше. Просто не принято у нас сейчас вот так...

Сформулировать и высказать свою мысль лейтенант не успел. В помещение вошли люди, которых Татьяна сразу же отнесла к упомянутой экспертной группе. Посмотрев на вошедших, а их было четверо, Татьяна сразу подумала, что репортаж о работе наркологического центра «Надежда» может оказаться не самым главным материалом, привезенным из Зимовца.

Незнакомцы оказались столь интересны, что трем Таня сразу же присвоила клички: Верзила, Очкарик, Седой. Некоторая произвольность в этом была – никто из пришедших не отличался малым ростом и немножко седины имелось у всех. Но надо же их как-то различать.

Лишь с четвертым персонажем возникла заморочка. В нем не было подтянутости остальной тройки и уверенного, пружинящего шага. Пожилой мужчина, с морщинистым лицом, в опрятном пиджаке, вообще облика ухоженного и вальяжного. Казалось бы, такому типуажу должен быть присущ апломб. Ан нет, в помещение он вошел замыкающим и не так чтобы с робостью, но без всякого желания и радости.

Приглядевшись к рукам четвертого господина, Татьяна придумала кличку и ему – Пахан. Наколок на запястьях у него было побольше, чем у Коляна.

Вошедшие посмотрели и на Татьяну, потом Очкарик, верно, лидер тройки, вопросительно взглянул на лейтенанта: мол, что за барышня? Пахан тоже скользнул по ней взглядом, но без всякого интереса.

Потом Пахан заглянул в обезьянник. Трудно сказать, узнал он Коляна или нет, потому что тот узнал его раньше:

– Грач! Здравствуйте, Павел Иванович! Вы за мной?

– Здравствуй, Колян, – негромко, с задержкой ответил Пахан, показывая интонацией, мол, погаси энтузиазм.

– Нет, – сказал Очкарик, – это не он, это мы за тобой приехали. – Выведите его, пожалуйста, – это к лейтенанту.

Колян, явно воспрянувший духом при виде Грача, тотчас же сник. Разве в прутья не вцепился.

– Права не имеете, задержанный я, – пробурчал он, обращаясь к лейтенанту. Но все же вышел.

– Рассказывай, чего натворил? – обратился к нему Седой.

Колян, запинаясь, начал рассказывать свою версию вечерних приключений, настолько оправдательную для него, что явно сам себе не верил с первой же фразы. Его оборвали через пару минут и передали слово лейтенанту.

Татьяна слушала конфликт интерпретаций, приглядываясь к отставникам – уже не сомневалась, так и есть. Журналистская практика была у нее долгая и интересная, она научилась замечать некоторые вещи, обычным гражданам незаметные.

Во многих спецподразделениях, от Колумбии, до, как ни странно, комфортной Финляндии, есть у офицеров особый знак. Иногда татуировка. Иногда маленькая ленточка в петлице. Иногда маленькая пуговка, нашитая под погоном. Небольшое отступление от устава. И начальство такое отступление прощает. А ленточка значит простую вещь: человек – убивал. В рейдах против партизан или в миротворческом батальоне – не важно.

Такого общего знака у тройки не было. Но Татьяне хватило опыта, чтобы понять по глазам – случалось с каждым. И, пожалуй, не один раз. На войне. А может, и не только.

«Отряд убийц. Или, скажем, красивше: эскадрон смерти», – подумала она.

– Достаточно, – прервал Очкарик лейтенанта. – Значит, Николай Борисович Смирнов, 1975 года рождения. 1994 год, 116 и 162 статьи. Условно-досрочное в 1998-м. 1999 – опять 162-я, 11-6-я, еще добавил 119-ю. Вышел в 2005-м, сразу же опять залетел по 162-й. Разбой, побои, угроза убийством. Остап не баловал своих противников разнообразием дебютов, так?

– Так, – с заискивающей улыбкой поддакнул Колян. Похоже, он читал бессмертный роман и надеялся, что удастся разойтись на шутках.

– А вернувшись в родные края после третьей ходки, сразу же пошел и на 119-ю статью, и на 213-ю. И похулиганничал, и убийством угрожал.

Колян счел за разумное промолчать.

– Проблема твоя, Николай Борисович, в том, что за шесть лет в нашем городе кое-что изменилось. И никому не нужно ждать, пока ты отоваришь свою любимую статью. Я тебе лекции читать не хочу, пусть Павел Иванович объяснит.

Пахан подошел к Коляну, показал на скамейку – садись. Тот сел, поглядывая со страхом на «эскадрон смерти».

– Ты, Коля, меня прости.

– За что, Павел Иванович? – с испуганным удивлением спросил Колян.

– Что я тебя, ну, тогда еще, по твоему малолетству сбил с панталыку...

– Вовлек в преступную деятельность, не позволил социализироваться, проповедовал приоритет так называемых воровских понятий над обычной гражданской моралью, – уточняющим лекторским тоном договорил Очкарик и перевел взгляд на Пахана, – звиняйте, Павел Иванович, перебил.

Колян глядел оторопело. Он, пожалуй, приготовился к любым дюлям, но не к такому «прости».

– Порядки теперь в Зимовце новые, – продолжил Пахан. – Никто в городе по понятиям не живет. Так что, если что, ты не отмажешься.

– Погоди, – у Коляна заиграло любопытство. – Это чего, Зимовец красным городом стал, что ли?

Пахан взглянул на него чуть ли не виновато, как папаша, не способный изъяснить детям словами некую истину, уясненную им всей глубиной души.

– Не совсем так. Здесь теперь менты не только город держат, но и не берут. Им даже занести нельзя.

Татьяна не сомневалась, скажи такую глупость кто другой, кроме Пахана, Колян бы недоверчиво заржал. Но это была мудрость от «сэнсея».

– Как же такое случилось, Пал Иванович?

– Да вот так и случилось, Коля. Долгая история... Короче, по понятиям в городе больше не живут. Так что решай. Можешь жить, как я, – живи здесь. Нет – уезжай.

– Я... Думать тут надо... – растерянно сказал Колян.

Но его перебил Седой:

– Спасибо, Павел Иванович. А тебе думать не надо. Раз уж нам пришлось в час ночи сюда припереться, тянуть не будем. Или сейчас поклянешься, что ни хулиганки, ни разбоя, вообще ничего. Никаких блатных промыслов. Тогда живи с мамой, работай. Нет – первый автобус в область в 5.40. Сел, укатил, больше ни ногой.

То ли угар ресторанный вечера на миг вернулся в голову Коляна, то ли пробудился блатной выпендрей, но он хрипло спросил:

– А если не так и не так? Что тогда?

– Ну, если не так и не так, – медленно произнес Седой, приближаясь к Колян, – если не так...

Татьяна рефлекторно зажмурилась. На миг, конечно. Драки она видала, и не слабые видала, и трупы, минут за десять до того бывшие живыми людьми. Все равно, наблюдая «эскадрон», поняла: эти слабо бить не умеют.

Колян понял это еще быстрее. Притиснулся спиной к стене, положил левую руку на гениталии. Приготовился раньше первого удара скатиться на пол и сжаться в позе эмбриона, как и положено при безответных побоях.

– Расслабься, – проговорил Седой. – Учить тебя здесь никто не будет. Поздно уже учить. А вот как бывает, когда «не так и не так», объяснить придется.

Между тем Очкарик, удивив Таню, раскрыл перед носом Коляна проигрыватель-дивидишник с маленьким экраном, из тех, что берут в дальнюю дорогу.

– Лекция хороша, когда наглядна. Был такой Линь, вспомнил поди? Считал себя смотрящим по лесу в районе, ну, на самом деле и был таким. До поры. Одна незадача: лесхозов много, за всеми не уследишь, хоть разорвись. Ну и разорвался Линь в итоге. Голову нашли в Луныно, остальное – под Красным Лесовиком. Ну-ка, посмотри.

Колян минуту зырил на экран.

– А еще был Свищ, тоже должен помнить. Тоже понты, без всяких оснований. Считал, что ларьки ему должны платить. Наглый был, непонимающий. Врал, что Чечню прошел, – совсем плохо. Говорил: «Кто против меня пойдет – отпетушу». Ну, согласись, Коля, зря он так. За базар надо отвечать, не то яйца оторвать могут. С ним так и случилось.

Как поняла Таня, на этот раз Колян предложали не фоторяд, а видеоролик со звуковым приложением. Еще и всунули наушники – вздрогнул от прикосновения.

Наушники были прижаты неплотно, и Таня чуть-чуть расслышала музыкальную составляющую: ругань, мольбу, угрозы, потом – прерывистый вой. Обрадовалась, что не различает подробности.

Зато Колян, безусловно, их различал. Он смотрел на экран с нарастающим удивлением и страхом. Нижняя челюсть начала медленно отвисать. Он ужасался и не верил.

«Гибель богов глазами смертного», – подумала Таня.

Ролик кончился. Но Колян продолжал пялиться в экран, будто ждал надписи: «Это был фейк, ни один человек при производстве клипа не пострадал».

Очкарик захлопнул крышку проигрывателя перед его носом. Зэк дернулся, звучно клацнула челюсть.

– Сейчас Свищ в Кирове бомжует. С инвалидностью второй степени, – сказал Седой. – А еще была разная мелкая быкующая шушера. Вроде тебя. Она в видеоархив не попала. И ты не попадешь, если хочешь «не так и не так».

– Беспредел это, – произнес Колян. Не сказал, конечно, а с трудом вытянул слова, будто рот неплотно обмотали скотчем.

– Беспредел – вернуться домой и сразу же напасть на незнакомую женщину, – возразил Очкарик.

Колян хотел что-то ответить, но дискуссии не вышло.

– Давай, отвечай, не тяни, – оборвал Седой. – Поздно уже, даже взрослым спать пора. Или убираешься и больше сюда ни ногой. Или остаешься и забываешь все, чему тебя научила зона и наши философы в законе.

Пахан, к которому относились последние слова, чуть вздрогнул. В разговор не вступал и, как заметила Таня, во время просмотра документальных ужасов озирался со стандартной тоской мелкого предателя.

– Согласен, остаюсь.

– Повтори четко. – Очкарик включил камеру. – Обещаю не хулиганить, не воровать, соблюдать закон, честно работать.

Татьяна, давно ожидавшая этого момента, сама успела сфоткать мобильником Седого так, что ее щелчок совпал с включением камеры.

Колян повторил без запинки.

– Зачет. А дальше...

Дальше в комнату вошел пожилой майор милиции. Наблюдая, как ребята «эскадрона» здороваются с ним, Татьяна поняла, что это Андреич, начальник РУВД.

– Поговорили? – спросил он.

– Да, – ответил Очкарик. – Гражданин все понял. Пообещал больше нервы не трепать.

– И добро. Скажите, – это Татьяне, – у вас есть претензии к гражданину Смирнову?

– Нет. Но есть вопрос – к вам.

– Чуть позже, – ответил Андреич. – Значит, свободный гражданин Смирнов, какие у тебя планы?

– Ну.... На работу устроиться, как же еще...

– Хороший план. Тогда, гражданин Смирнов, раз у потерпевшей претензий к тебе нет, мы твои планы тоже портить не будем. Улица Победы, восемнадцать, Центр занятости. Придешь, подберешь вакансию, возьмешь направление. Или сразу на работу, или на курсы, как хочешь.

Седой протянул эку бумажку.

– А в шесть вечера позвони по этому номеру и скажи, как успехи в трудоустройстве. Не позвонишь – завтра же встретимся снова. В последний раз. А теперь, гражданин Смирнов, слушай сюда внимательно, как никогда. – Седой наклонился над Коляном, от его позы, от его голоса повеяло нешуточной угрозой. – У нас все всерьез. Мы – не правительство. Это они говорят, а не делают, шлепают законы, а исполнить их не могут, это они за слова не отвечают. Мы сказали «Очистим город от швали», и мы его очистили. Мы сказали, пусть вокруг живут как хотят, а мы будем жить как люди, и мы живем. Раз мы говорим, что с тобой по-хорошему в последний раз, значит, и будет в последний. Усек, Колян?

Веско сказал, признала Татьяна. И даже не столько в самих словах спрессована была вескость, сколько в интонации, во взгляде и еще в чем-то трудноуловимом, что называют иногда энергетикой. Энергетика от Седого так и перла.

Если уж Татьяна ее уловила, то Коляна с его обостренным эковским чутьем на силу должно было просто обжечь. «Любопытные персонажи обитают в этом Зимовце», – отметила Таня.

Колян промышчал нечто нечленораздельное. При этом он без всякой надежды посмотрел на вошедшего милицейского майора – не сочтет ли тот происходящее нарушением закона.

– Иди домой, – сказал Андреич. – С завтрашнего утра начинаешь новую жизнь.

Колян потащился к выходу. Пахан столь же уныло сидел на месте, как свадебный генерал или баянист того же назначения, которого возят от торжества к торжеству без особого согласия.

Очкарик повернулся к Тане:

– Татьяна Анатольевна, – тон был не наигранно вежлив, – мы приносим вам свои извинения за это неприятное происшествие.

– Не за что. Будь я волшебницей, не смогла бы превратить современный русский промышленный город в сказочное королевство, по которому в любое время суток сможет пройти девушка с мешком золота.

«Эскадрон» улыбнулся. Правда, Верзила и Очкарик с секундным запозданием, дождавшись улыбки Седого. Тот, верно, прежде слышал о таком историческом критерии общественной безопасности.

– Все равно, – сказал он, – мы понимаем, что вы – особый случай. Ведь вы журналист, да? Мы хотим, чтобы у вас остались о вашем городе самые лучшие воспоминания.

– Хорошо, – не задумываясь, ответила Таня, – я бы хотела встретиться со Столбовым и взять у него интервью. – И, поддавшись наитию, добавила: – Ведь вы же от него?

* * *

Все сели по своим машинам и разъехались в разные стороны. Значит, когда их вызвали, не тусовались в одном месте, как иные бригады, вызываемые на пожарные случаи. В машину к Верзиле подсел Пахан, верно, чтобы его доставили туда, откуда и забрали, – Таня сомневалась, что он явился в РОВД по своей воле.

До гостиницы Таню подвез Очкарик. Он сказал, что в такое время Михаила Викторовича можно беспокоить лишь из-за реального ЧП (Таня не стала уточнять, в масштабах чего – района, области, страны?), но на просьбу побеседовать с журналисткой столь авторитетного столичного издания, как журнал «Наблюдатель», Михаил Викторович откликнется.

Кроме этого обещания, Татьяна больше не добила ничего. К примеру, так и не узнала, кто же такой господин Столбов? «Владелец лесхоза „Новый луч“, председатель общества „Афган“, – ответил Очкарик, – человек очень уважаемый». Нюансов не последовало.

Татьяна все же осмелилась спросить про фото и видеоархив, продемонстрированный на ее глазах бедолаге Коляну. Очкарик ответил не сразу. По его лицу пробежала недовольная гримаса. Будто хотел сказать: «Ну почему олух-летеха не предупредил меня, что свидетелем нашей беседы является журналистка?» Потом сказал так: нарезку из голливудских ужастиков. При этом слегка улыбался и больше на эту тему не говорил, лишь заметил: «Лучше спросите Михаила Викторовича».

Что-нибудь мог бы рассказать Пахан... Да нет, конечно, фиг он чего-нибудь расскажет залетной девахе, тем более девахе с журналистскими корочками.

Все это начинало не нравиться. Город Зимовец хранил какую-то тайну. И она вряд ли исчерпывалась фамилией Столбов...

Глава 4

Работа, доставшаяся Сане Успенскому, была не простой и ответственной: ему надлежало изучить обстановку в области перед президентским визитом и «отсеять пидорасов». То есть составить список местных лиц, появление которых на любом из мероприятий визита приветствовалось бы не больше чем появление прокаженного еретика на средневековой мессе с участием королевской семьи.

Работа, повторимся, была трудной, ответственной и, скорее, всего, ненужной. Саня предполагал, что аппарат местного губернатора знает, кто у них в области и прокаженный, и зачуханный, получше референта президентской Администрации. А если протупит, то всегда подстрахует ФСБ. Ну и Служба протокола мух не ловит, они сами знают, кого подпускать, кого не подпускать. Так что, пока он вымучивает свой список, начальство получит альтернативные варианты более профессионального происхождения.

Саня не удивлялся и даже не ругался. Пусть в Администрации он работает лишь второй год, ему уже стало понятно: три четверти остальных сотрудников тоже заняты трудной и ненужной работой. Это не маразм, это тест на профессионализм и лояльность. Справишься с дурацкой работой да еще покажешь начальству, как тебе она по душе, глядишь... нет, не повышение, чего сразу губу раскатывать. Поручат дело поважнее. И если справишься...

Поэтому Саня бодро взялся за труд. Два дня изучал обстановку в области по тамошним сайтам и компромату-ру. Забросал запросами местное правительство, каждый раз ощущая сладость произносимой фразы: «Вам звонят из Администрации Президента».

В области нашлась на удивление вменяемая социологическая служба, быстро составившая список местных випов на двести персон с рейтингом по собственному усмотрению. На своем месте был и вице-губернатор, и олимпийский чемпион по вольной борьбе, и даже бабка, недавно засудившая область в Страсбурге, а потом создавшая общественную организацию. У каждого свое место, свое влияние.

С этим списком Саня и работал. Перезванивал, уточнял, ставил галочки напротив фамилий, но с окончательным чернильным приговором не торопился. Каждый раз мысленно проговаривал, почему эту персону следует отлучить от общения с Президентом. Понятно, почему не нужен местный лидер почти подзабытой с 90-х «Трудовой России». Во влиятельном списке он оказался не случайно: каждое 7 ноября выводит на площадь сотню сердитых старушек. Но вблизи Президента ему делать нечего.

Отлучить нужно главу Соснинского района – четырехмесячная задержка зарплаты на местном судоремонтном заводе, народ голодает и бастует. Не нужен Гольдман – директор ЦБК, то ли жертва рейдерского захвата, то ли сам рейдер. Сам украл или у него украли – не важно, а у Президента может остаться осадок. Не нужен учитель математики Пряников – лучший педагог прошлого года в стране, но имевший глупость вступить в «Справедливую Россию» и не получивший квартиру, обещанную губернатором – верным «единороссом».

Жалобы, конечно, будут – что за президентский визит без жалоб. Но жалобщиков заранее отберут, это не его, Санькино, дело. Его дело – отсечь несанкционированных жалобщиков.

Работу полагалось завершить и представить шефу во вторник, к обеду. Саня принес ее к одиннадцати утра. Не то чтобы шеф обедал в одиннадцать. Но если в обеденное время он уедет из Администрации и получит работу позже указанного срока, не шеф же будет виноват.

Итак, шеф проглядывал бумажный список на трех листах, а Саня осматривал его кабинет.

Шеф, переведенный в Москву из Северо-Западного полпредства, почти не покусился на дизайн предшественника. Только по необходимости добавил портрет нового Президента, а для души – портрет японского воина-бродяги Кэнсина и его меч Сакабата – посетители обычно главели именно на меч. Робкие просто главели, те, кто побойчее, донимали хозяина вопросами,

и он охотно удовлетворял их любопытство. Сакабато – клинок пацифиста, меч с лезвием на обратной стороне; таким проще убить себя, чем противника.

«Чем он и хорош, – думал Саня. – Противник видит лишь безопасную сторону меча, что притупляет его бдительность, а вот клинок по-прежнему острый».

Пока что оставалось только философствовать и наблюдать за шефом. Тот просматривал список, задерживая взгляд на галочках. Каждый раз слегка кивал: согласен, правильно вычеркнул.

Внезапно он остановился, нахмурился. Настрой Сани, радостно подскакивавший с каждым кивком шефа, пошел в пике.

– Столбов, – произнес шеф, не желая скрыть раздраженное удивление, – откуда он вылез? Михаил Викторович... Точно он? – резко спросил Саню.

– Да, я проверял, – на автомате соврал Саня, чувствуя, что меч на стене начинает поворачиваться к нему внутренней стороной.

Но шеф нырнул в свои воспоминания и не заметил мгновенную краску на щеках юного подчиненного.

– Вообще, да, – произнес он, – Столбов как раз из тех краев и есть. Странно, десять лет прошло, а биографию его помню. Саша, ты в школе по яйцам получал? Ну, совсем в пацанские годы.

– Бывало, – растерянно ответил Саня, решивший говорить правду и только правду.

– А помнишь, когда и от кого?

– Было такое в шестом классе, Серго из соседнего подъезда...

– Ага, помнишь, – прервал шеф воспоминания подчиненного. – И у меня этот Столбов засел не в мозгах, а в другом органе, почувствительнее. Ладно, хватит лирики. Вот моя подпись, скинь факсом, и пусть пришлют подтверждение от главы областного правительства с его подписью.

Саня, радостный, что не получил по яйцам сам, помчался в канцелярию, на факс. По дороге еще раз взглянул на список и сравнил свои скромные галочки возле отвергнутых фамилий с мощной, как птеродактиль, галочкой от шефа.

* * *

Пасмурный весенний день медленно переходил в пасмурный весенний вечер. Таня поглядывала на экран ноутбука, десятый или сотый раз спрашивала себя: стоит ли лезть в авантюру?

Голова занудно бубнила: «Не надо». «Надо, надо», – весело отвечало сердце. Причина была проста: она поговорила со Столбовым и только укрепилась в своих подозрениях.

С утра Таня сама позвонила начальнику РОВД. Тот пообещал встретиться, но попозже. Татьяна окончательно убедилась – ждет санкции неофициального хозяина города.

Впрочем, ей было чем заняться. Таня продолжила интернет-исследование. Сначала она перекачала в ноутбук фотографию, сделанную в ментовнике, и пропустила по системе visual plus. Поисковик через четверть часа выдал результаты: ссылки на все имеющиеся фотографии всемирной сети, хоть как-то похожие на Седого.

Физиономии с сайтов польского, французского и австралийского происхождения Таня пропускала. Наконец нашла наш: «контактная» страничка бывшего командира десантно-штурмовой роты Псковской дивизии ВДВ. Коллективное фото, 1996 год, Бамут... Да, слева он, хотя тогда не такой уж и седой. Капитан Вадик Казанец.

После этого искала уже по фамилии и не удивилась, обнаружив именно в этой области, в этом районе – директор спорткомплекса. К сожалению, ничего о работе в «экспертной группе» Интернет не сообщил.

Тогда Таня полностью сосредоточилась на Столбове. Читала все материалы, что могла найти. Несколько раз звонила знакомым и в Москву, и в Питер. После чего возобновляла поиски.

За этим занятием ее и застал телефонный звонок.

– Здравствуйте. Татьяна Черняева?

– Здравствуйте, вы угадали.

– Михаил Викторович Столбов. Если хотите встретиться со мной, могу принять вас в шестнадцать ноль-ноль. Выходите без десяти, белая «ауди» у подъезда гостиницы.

* * *

Разговор со Столбовым вышел не то чтобы скучным, но безрезультатным – ничего нового Татьяна не узнала. Разве что впервые увидела человека, из-за которого в этом городе алкоголики завязывают с вредной привычкой, а бандиты – с криминалом.

Столбов был невысоким, по годам ближе к пятидесяти, так что году рождения более-менее соответствовал. Голова седая, не меньше, чем у вчерашнего Седого, на лице шрамы. Одет был в серый костюм. От кого – Таня так и не поняла. Видно лишь, что не подделка и качество материала – безупречно. Костюм не топорщился, не топырился. И все же не ощущалось привычного офисного лоска, когда пиджак, брюки и галстук носят от звонка до звонка. Хозяин кабинета явно привык одеваться попроще.

Оглядев интерьер, Татьяна пришла и к другому открытию: в этом помещении Столбов бывает не чаще, чем ходит в костюме. Обычно стены кабинета отражают вкус, специализацию, а иногда и биографию владельца. Помнила одного деятеля, родившегося 22 апреля. Сам-то он к этому факту был более менее равнодушен, но друзья дарили ему по любому поводу разных Лениных – и на холсте, и в бронзе, и в гипсе. Таня тогда насчитала минимум двадцать. Или атаман районной станицы, повесивший стену кабинета разным оружием, от вполне профильных шашек и нагаек до модели (может, и не модели) израильского автомата УЗИ и каких-то малайзийских рогаток.

Понятно, это крайности. Все равно в кабинете полагается висеть грамотам от начальства или бизнес-ассоциаций, выпелам, а на полках шкафа – стоять подаренным безделушкам. Возможны несколько пейзажных или архитектурных литографий, бывает, что и подлинники висят. Иногда – красный угол с иконами.

Но это если кабинет ощущается родным домом. Столбов же явно проводил здесь минимум рабочего времени. Лишь на стене, напротив рабочего стола, Одигитрия, да еще за спиной на стенке наблюдался какой-то простенький сосновый пейзажик.

В дизайне столбовского кабинета была еще некая странность. Но Таня не успела ее определить, так как разговор начался.

– Здравствуйте, Татьяна Анатольевна. Сколько времени вам нужно на интервью?

– Сколько дадите. Пока я в Зимовецком районе, можете располагать моим временем по вашему усмотрению.

– Принял к сведению, – кивнул Столбов. – Но к пяти я должен быть в районной администрации, так что у нас пятьдесят минут. Спрашивайте.

«Не уважаю женщин, руководящих мужчинами во время соития, и респондентов любого пола, руководящих процессом интервью», – подумала Таня. Но надо было спрашивать. Первый вопрос Михаил Викторович подсказал своей любезностью: перед ним на столе лежал январский номер журнала «Наблюдатель».

– Вы постоянно читаете наш журнал?

– Только если посоветуют. Разговорами о политике я не интересуюсь, макроэкономические прогнозы беру из своих источников, светская хроника мне не нужна.

– А выездные репортажи...

– Смотря откуда. Если мне нужно что-то узнать про горячую точку или страну, важную для бизнеса, я говорю с человеком, который там был. Единственный интересный ваш репортаж – рассказ, как парень проехал автостопом по Эфиопии и расплачивался нашей мелочью с Георгием Победоносцем.

Татьяна широко улыбнулась.

– А вам самому приходилось бывать в горячих точках?

– Приходилось, – ответил Столбов. Таким тоном, что тема была с ходу закрыта.

Неловкую паузу, заполненную тиканьем деревянных настольных часов, прервал хозяин кабинета:

– Татьяна Анатольевна, этот номер вашего журнала посвящен инновациям. Так?

Татьяна согласилась с легким удивлением.

– А вот лично вы что думаете об «инновационном пути развития России»? – последние слова Столбов прочел с заранее заложенной страницы журнала.

«Вообще-то здесь вопросы задаю я», – вспомнила она следовательский штамп. Но инициатива собеседника могла помочь разговору.

– Сказать, что я думаю?

– Что думаете. Что написано, могу и прочесть.

– Вообще-то про инновации я ничего не писала... Если же говорить, что я о них думаю...

Будь моя воля, я перенесла бы всю прикладную российскую науку, вообще все инновационные бюро за границу. Во-первых, там нашим Кулибиным действительно придется изобретать новые технологии, а не убивать время на мысли о том, как выбить финансирование. Во-вторых, внедрение любой заграничной инновации всегда проходит быстрее и проще, чем отечественной. Чиновники считают: если что-то пришло с Запада, можно больше напилить на внедрении.

– Понятная логика. А вы можете это опубликовать в вашем журнале? Хотя бы с обычной сноской: «Мнение автора может не совпадать...»

– Нет, – искренне ответила Татьяна.

– Вот и ответ на ваш первый вопрос. Вы приехали из-за жалобы на «Надежду»?

Татьяна ответила не сразу – не поняла вопрос. А потом вспомнила: да. Столько событий и чудес со вчерашнего утра, немудрено и подзабыть удивительный реабилитационный центр.

– Да.

– Я не удивился. Рекламы у них никакой: только рассказы вылечившихся и, в некоторых случаях, жалобы родственников. Что вы собираетесь написать о центре?

– Еще не знаю. К примеру, я не поговорила с родными парня, бросившего МГИМО и ставшего шофером. Тем более с ним самим. Надеюсь, что разговор с вами даст дополнительную информацию и впечатления.

Столбов скептически ухмыльнулся: «Почему же?»

– Директор центра, Борис Николаев, сказал, что «Надежда» появилась исключительно благодаря вам.

– Хорошие люди всегда преуменьшают свои заслуги. Конечно, я помог найти помещение, деньги. Но сейчас «Надежда» существует только потому, что ее директор – Николаев. Не знаю, кто бы другой взялся за такую работу – комплексную реабилитацию, от поступления до выписки, с рецидивом в одном случае из десяти.

– И все равно, Михаил Викторович. Мне часто приходилось бывать в прови... в маленьких городах и встречать там замечательных людей: педагогов, тренеров, вообще организаторов. У них отличные идеи, можно даже сказать, бизнес-планы, правда, не гарантирующие немедленный доход. Но большинство не получает ни помещений, ни финансирования. А если получает, то лучше бы и не было: выдан губернаторский или федеральный грант, проект запущен,

деньги закончились, власть забыла, все развалилось и автор идеи годится лишь в пациенты центра «Надежда». Почему Зимовец – исключение?

– Очень просто. Я предприниматель, мне нужен трезвый персонал.

Татьяна не придумала следующий вопрос, как получила нужную паузу: принесли кофе.

Такое переговорное угощение – немаловажная деталь, убедительно говорящая о принципах хозяина. Иногда стараются именно накормить, особенно в дальних райцентрах: жидкий чаек, зато добротные, домашние пироги, подносы с печеньем и конфетами, бутерброды больших объемов. Иногда играют в Европу: на блюдечке три печеньки, но кофе дрянной, растворяк. Особенно смешно, когда подается в дорогой фарфоровой чашке.

Здесь все было добротно и без выпендрежа. Простенькие чашки из обожженной глины, теплого цвета, вазочка с шоколадными конфетами, бисквиты и маленькие пряники. Никаких сухих сливок: отдельный кувшинчик. Не забыты салфетки – приятно, хоть не удивительно. Что удивительно: для гостей, считающих свои руки грязными, одноразовые поездные влажные салфетки на отдельном блюде.

Что же касается кофе, то он был крепким, но какого-то мягкого сорта, само собой, натуральный. Портить сливками его не хотелось.

«Хозяин бывает здесь не часто, но офисное хозяйство налажено», – подумала Татьяна, отхлебывая кофе.

Столбов пил свой напиток, похоже, зеленый чай.

– Вы не любите кофе? – спросила Таня.

– Люблю, но не вечером.

Настало время возвращаться к интервью, тем более прошло больше половины отведенного времени.

– Михаил Викторович, расскажите о себе.

– Что именно?

– О вашем жизненном пути. Где родились, учились, служили, женились.

Вопрос был простой, стандартный, нейтральный.

– Все просто, – с заминкой ответил Столбов. – Здесь родился, здесь живу и работаю.

– А подробнее.

– Вас интересует биография? Пожалуйста, буклет нашего холдинга, третья страница.

– Спасибо, – сказала Таня, принимая протянутый буклет.

Быстро пролистала: хорошо сделан, соблюден баланс между фотками и текстом и много полезной информации. Что же касается третьей страницы, да, биография Столбова там была. Но столько же, сколько было в Инете. Белые пятна так и остались белыми пятнами.

Кстати, откуда здесь свиноферма и поля? Вроде бы Столбов занимается лесом. Татьяна так и спросила вслух.

– Да, и лесом, и сельским хозяйством. Есть свиноводческий комплекс и связанные с ним предприятия. А чем еще можно заниматься в наших краях? Нефтегаз не добывается, аренда за прокачку по территории – монополизирована.

«Еще мог бы сказать про „Новый Северный станкозавод“ – как раз появился в прошлом году на базе прежнего банкрота», – подумала Таня. Но эту тему она еще изучила недостаточно.

– Лесхозов по России немало. Тем более агропромышленных предприятий. Но... – Татьяна замялась, подбирая формулировку. Время утекало, приходилось брать быка за рога. – Но такая экономика редко дает местной территории более-менее приемлемую жизнь. Лесное хозяйство до кризиса процветало, а сейчас канючит преференции у местных властей. Сельское хозяйство и до кризиса просило дотаций. Между тем не знаю, как весь Зимовецкий район, но райцентр живет так, будто получает нефтяную или газовую ренту. И, кстати, у руководителей предприятий вашего профиля редко есть свободные средства для спонсорской деятельности. Ведь вы вряд ли ограничиваетесь поддержкой реабилитации алкоголиков?

– Деньги, если нужно, находятся всегда, – отстраненно ответил Столбов, прихлебывая чай. – Что же касается качества городской жизни, то проведите комплексное исследование, или как это зовется на вашем сленге. Тогда и поймете, можно ли прилично жить без нефтегаза.

– Дело в том, что у меня хватает времени только на экспресс-анализ. Но даже небольшой срез дал интересный результат, – сказала Татьяна, применив профессионально-проникновенную улыбку. – Результат же таков – я минимум два раза услышала, что «когда здесь появился Столбов, все изменилось».

– Кто сказал?

Таня про себя продолжила вопрос собеседника уже ставшими классическими словами Гаранта: «Имена, пароли, явки».

– Сначала директор центра «Надежда», а потом... Как я поняла, это был бывший вор в законе, оставивший свои преступные наклонности.

– С Борисом Борисовичем понятно. Вор, безусловно, достоверный источник, – сказано было с легким сарказмом. – Но я не знаю, как ответить на ваш вопрос...

– Но вот, говорят, вы появились, и все изменилось...

– Я вернулся в родные края – надо когда-нибудь возвращаться. Земляков я знаю, люди здесь честные и работающие. В большинстве. Все, что я сделал, – позволил людям честно работать.

– И все?

– И все. А вы считаете, что человеку должно хотеться что-то еще, кроме как кормить семью? Или если человеку не найти среднюю московскую зарплату, он должен бездельничать и воровать?

Минутная пауза. Татьяна допила кофе – остывший он был еще вкуснее, чем горячий. «Кстати, секретарша не халтурит, и явно не за московскую зарплату», – подумала она.

– Спорить с вами не собираюсь, но и согласиться не просто. Работающих людей в России достаточно, но иногда они от безденежья выходят на рельсы. Здесь же как будто и не у нас...

Реплика Тани не являлась вопросом, поэтому Столбов промолчал.

– А еще после вчерашнего посещения отделения милиции у меня возникло ощущение, что в Зимовце отлажена система не только социальной реабилитации алкоголиков, но и преступников. И вы имеете к этому какое-то отношение?

– Какое? Кто вам сказал? – искренне удивился Столбов.

«Не повторять же, что вор?» – подумала Татьяна и промолчала.

Между тем хозяин кабинета посмотрел на часы, и это уже не был жест неприличия.

– Спасибо вам за ваши ответы, хотя не могу сказать, что вопросов у меня не осталось.

– И вам спасибо, что приехали. А то кажется, будто критические статьи журналисты пишут, не выходя из редакции. Или врут сами, или им приносят то, что называется «рыбой». Я правильно сказал?

Татьяна промолчала. Соглашаться не хотелось, спорить было бы нечестно.

– Что же касается ваших вопросов, то исследуйте город. Секретных центров и баз здесь нет, двери открыты. Разве что вас не пустят в местное отделение ФСБ, но я могу позвонить Ивану Леонидовичу...

– Спасибо, но в Зимовце меня интересует именно вы...

– Можете съездить на мои предприятия – разрешаю. У меня секретов нет. Если соберетесь в лесхоз, смените обувь – там еще снег.

Столбов говорил, вставая из-за стола. Действительно, время подошло к концу.

– Спасибо. Думаю, что воспользуюсь приглашением, – ответила Таня.

* * *

Итак, беседа со Столбовым состоялась и ничего не прояснила. Как профессионал, совершивший путешествие с определенной целью, в нашем случае ради репортажа, Татьяна понимала, что ничего не добилась. Больше того, если вчера днем, после посещения центра «Надежда», еще была какая-то ясность, то сегодня мир опять перевернулся: происходило то, что не должно было происходить.

Татьяна на миг представила, как будет говорить с Сашкой и Артуром в редакции. «И что там – ваххабиты, секта или твоя теория крутого нарколога?» – «Честно говоря, мальчики, не то, не то и не другое. Профессиональный нарколог, разработавший уникальную систему адаптации алкоголиков, благодаря уникальной благоприятной социальной среде» – «А кто эту среду создал, для чего и на какие баблосы?»

Таня понимала: если она уедет из Зимовца, то не ответит на последний вопрос.

На обратном пути заехала в РОВД, поговорила с начальником. Дядька был приветливый, явно получил санкцию от Столбова. Но отвечал он коротко, без подробностей. К примеру, на вопрос о тревожных кнопках ответил кратко: «Помог Фонд поддержки общественной безопасности». На вопрос о вчерашней беседе с задержанным ответил: бывшие уголовники, вставшие на путь исправления, всегда рады дать совет молодежи. Когда же Татьяна спросила про «эскадрон», Андреич изумился: о чем вы?! Так искренне изумился – хитринку еле-еле разглядишь.

К тому же если Столбов дал ей один буклетик, то Андреич с каждым ответом нагружал ее различными печатными артефактами: старым номером местной газеты «Щит Закона», листами районной и областной статистики, брошюрой, посвященной сколько-то летию областного УВД. Одним словом, бумажным мусором, который надо изрядно перелопатить, чтобы найти какую-нибудь информационную ценность.

Именно эту макулатуру Татьяна сейчас и просматривала. Посмотрела районную статистику, связанную с алкогольной преступностью – несанкционированной продажей спиртного, а также преступлений, совершенных в состоянии опьянения. Не удивилась, когда Зимовецкий район по процентам оказался в хвосте областной таблицы.

Раз уж заглянула в статистику, заодно посмотрела наркопреступность. Здесь уж просто благодать. За исключением двух-трех случаев в год, Зимовецкий район не хранил, не торговал, не выращивал ничего наркосодержащего. Такое ощущение, что местное благополучие само по себе было наркотиком, на который подсел город...

Стоп, стоп, стоп. Вот теперь поподробней и повнимательней.

Темнее всего под свечой. Так и здесь, возможно, тот же эффект. В благополучном городе не употребляют наркотики? Не потому ли, что здесь их и производят? Волк возле норы не охотится. Больше того, ведет себя как благородный хозяин леса. В нашем случае – извел на корню всю преступность. Чтобы никаких сигналов из города. Чтобы никакие внешние силовики здесь не появились бы.

Таня пошарила в инете, посмотрела статистику по Северо-Западу. Позвонила знакомым, понимающим в наркотрафике. Про Зимовец, конечно, ничего нового не узнала, зато лишний раз убедилась, что именно Северо-Западный регион является главной перевалочной базой по снабжению России синтетическими наркотиками.

Впрочем.... За последние два года количество таможенных обнаружений существенно снизилось. А вот арестов внутренних меньше не стало. Похоже, Северо-Запад уже не перевалочная база, скорее производственная.

Таня продолжила поиск по Столбову – разобраться, в конце концов, кто такой этот Михаил Викторович? Через московских друзей нашла телефон Лешы, подзабытого приятеля,

работающего собкором Первого канала в Париже, а десять лет назад хорошо разбиравшегося в именах по Северо-Западу. Леша, признаться, ее огорошил:

– Столбов. Разве его не сожгли?

Договорились продолжить общение по скайпу – благо у Леши был ранний домашний вечер. Таня послала фотографию Столбова, переснятую из буклета, и Леша после некоторых сомнений заявил, что «скорее всего он и есть». К сожалению, свежих сведений не имел.

Поблагодарив за помощь и обещав какой-нибудь зимовецкий сувенир при встрече, Таня снова вернулась к виртуальным поискам. Что-то раскопала о прошлом Столбова. Поняла, почему он не очень хотел говорить о своей семейной жизни.

Стемнело. Следовало решать, что делать дальше. Тыкать Интернет можно и в Москве, там скорость выше. Здесь надо заняться полевой работой...

* * *

«Странные люди эти москвичи», – верно, думал таксист, услышав просьбу пассажирки отвезти его в самое веселое заведение города. «Давайте в „Ибицу“, – сказал он, – там самый отвязный молодняк собирается». Клуб квартировал в здании бывшего прачечного комбината, что уже подразумевало определенную веселость. Таня предположила, что посетители называют его «уяечной» или институтом культуры.

Попрощавшись с таксистом – взял по счетчику, – Таня предалась вечернему разгулу. А именно села в углу, взяла местный коктейль «Полярный эфиоп», раскрыла ноутбук, написала и отправила письмо. После чего стала разглядывать посетителей.

Эстетически заведение ориентировалось на определенную фривольность, чего только стоил лозунг на стене «И пьется, и курится, и Ибица» (Таня сразу поняла, что во всех словах типовое ударение). Но контингент действительно молодой и не выглядит уж совсем отмороженно. То ли потому, что, как и во вчерашнем ресторане, пил, закусывая, то ли к порядку его приучила парочка секьюрити, время от времени патрулировавших зал.

Почти допив коктейль, оказавшийся смесью крепчайшего кофе с водкой и какими-то экзотными приправами, Таня подозвала одного из охранников.

– Проблема? – спросил он.

– Ну да, – жеманно замялась Таня. – Понимаете, мое, то есть что курится, – показала на стенку и подмигнула, вымогая понимание, – закончилось. А как можно у вас достать чего-нибудь веселенького? Даже не покурить – настрой не тот. Чего-то концентрированного, чтобы на вечер закинуться. Есть у вас такой сервис?

Охранник секунду глядел недоуменно, потом понял. Кивнул: сейчас. И ушел.

Таня ожидала классического продолжения. Спустя три минуты к ней подсядет промежуточный парнишка и выяснит, насколько серьезны запросы клиентки и нет ли засады – от конкурентов или закапризничавшей госкомдури. Потом пригласит купальщицу в какое-нибудь укромное местечко, или подсядет торговец и гешефт совершится за коктейлем.

Вместо этого пришел другой секьюр, повзрослее годами, с явным умением носить форму. С ним же подошла официантка, поставила на стол блюдо с листиком-счетом и удалилась.

– Пожалуйста, расплатитесь и покиньте заведение, – сказал несомненный начальник охраны, и Таня поняла, что ее собираются изгнать по той же схеме, как и вчерашнего Коляна.

– А в чем дело? – спросила она, не столько от коктейльного веселья, сколько из профессионального интереса.

– В том, что, если вы не хотите выйти, вам придется пройти.

– Куда, зачем? – спросила Таня, прикидывая, есть ли у нее сумма без сдачи.

Охранник сел рядом и сказал тихо, но напряженно и невежливо:

– Солнышко мое столичное («Догадался, зараза»), мы обязаны сообщать милиции обо всех противоправных происшествиях на территории охраняемого заведения. Охота поспорить с ментами – пожалуйста. Три минуты – и вызываю патруль!

«Забавно было бы третий раз за сутки встретиться с Андреичем», – подумала Татьяна, вздохнула, положила на блюдце две сотенные бумажки и направилась к дверям.

* * *

«Полярный эфиоп» оказался крепким, долгоиграющим коктейлем, зовущим на подвиги. Очень даже кстати – именно подвиги Тане и предстояли.

Оставался еще один поступок, очень киношный, очень детективный, но при этом – необходимый. Основную часть она сделала – написала письмо, еще в «Ибице», до разговора с охранником. Написала, но не отослала – велик соблазн прочесть письмо, даже если его и не просили читать. Поэтому сохранила как черновик, в своем ящике.

Оставалось последнее и самое трудное: найти человека, с которым можно поделиться паролем своего ящика.

Кстати ли, нестати вспомнила старинную поэму про князя, узнавшего волшебное средство, как спастись от неизлечимой болезни: пусть тебя разрубят, окунут в волшебное варево, соберут, как «лего», и будешь вдвое живей и краше. Вот только проблема: как среди царедворцев найти такого верного друга, чтобы выполнил и первую часть, и вторую, не прельстившись на временно бесхозную корону со всеми сопутствующими предпочтениями. Поэма, кстати, осталась недописанной: героя автор жалел, но и психологическую достоверность хотел соблюсти.

Таня думала минуты три. Холодный ночной ветерок помог сделать выбор. Она достала мобилу.

– Танюха, привет! – раздался в наушнике голос Паши, друга по первой редакции, из тех, кому звонишь два-три раза в год, зато именно в такие минуты: не сдаст, не кинет. – Хочешь приехать?

– Нет, я не в Питере, я городе Зимовце. Слушай внимательно. Мой редакционный адрес помнишь? Хорошо. Если я не позвоню до десяти утра завтрашнего дня, войди в мой ящик. Да, разрешаю. Пароль: месяц моего рождения по-английски и год рождения, цифрами, Яндекс. Не позвоню – входишь в мой ящик, идешь в черновики, находишь и самое последнее письмо посылаешь на редакционный адрес. Понял?

– Понял, – спокойно ответил Пашка.

– Как буду в Питере, первым вечером к тебе, – то ли пообещала, то ли соврала Таня, прощаясь. Зная, что Пашка не будет спрашивать: что там, оно тебе надо и т. д. Главное же – раньше десяти утра в ящик не залезет.

Эта просьба вроде бы ни к чему ее не обязывала. А сработала – мосты сожжены. Значит, вперед.

Она совершила очередное путешествие по ночному Зимовцу – на этот раз пешее. Похвалила себя: второй день в городке, не таком, кстати, и маленьком, шестьдесят тысяч, и уже ориентируюсь. Добрела до магистральной улицы, а там до поворота на Консервный комбинат. Огни городских многоэтажек остались в стороне. Было по-мартовски звездно и холодно. «Постою полчаса, совсем замерзну и двинусь в гостиницу», – решила Таня.

Но эта ночь благоприятствовала авантюрам. Вдали показались фары. Явно фургон и собирается поворачивать.

В старшем подростковом возрасте Таня накатала автостопом минимум восемь тысяч километров – как только не убили, не оттрахали дуру? Навыки, пусть и старые, бесследно не

проходят. Таня встала на край асфальта и сделала на лице такое выражение, что не остановиться смог бы лишь эгоистический педераст.

Нет, конечно, ничего коммерчески завлекательного в этой позе, типа «лучший отсос на трассе», не было. Таня, мгновенно отбросив имидж женской самостоятельности, взывала к другим чувствам: она превращала шофера в рыцаря, увидевшего одинокую девушку на лесной тропе. И понимавшего: не остановится, не посадит в седло – смерть несчастной в лапах лесных монстров будет на его совести. Конечно, в этом своя опасность: по дорогам катается немало любителей принцесс и Золушек. Но если уж очень надо застопорить едуший транспорт...

Методика сработала, фургон остановился.

– Извините, пожалуйста, вы едете на комбинат? – спросила она, едва белобрысый парень, к счастью сидевший в кабине один, раскрыл дверцу.

– Да, – удивленно сказал тот.

– Как мне повезло! – Таня чуть не рассмеялась от счастья. – Я работаю в ночной смене. Подбросьте, пожалуйста.

Шофер благожелательно кивнул.

«Вообще-то, если мое подозрение верное, он должен быть не один. А также иметь однозначный приказ – никаких попутчиков, – думала Таня, забираясь в теплую кабину. – Хотя... Может, и сам не знает, какой груз везет. Разыгрывать втемную исполнителей – надежный метод: и дешево, и безопасно».

Разговорить шофера как следует не успела – короткая дистанция. Все, что узнала: ему надо днем вернуться в Ярославль, поэтому и не поспишь толком. Спросил, где найти в городе нормальное кафе, чтобы выпить крепкого кофе и перекусить без трассовой изжоги. Таня вспомнила круглосуточное кафе «Лукошко» и, к своему удивлению, даже смогла назвать улицу – запомнила.

Ворота комбината открылись без гудков, и фургон въехал, не задерживаясь на вахте.

Похоже, охранник в кабину не заглянул. Или заглянул, но ее не увидел. Или увидел, но не подал вида.

Фургон подъехал к погрузочному спуску.

– Спасибо. – Таня открыла дверцу, прыгнула в темноту, подальше от освещенного места.

Под ногами приветливо хрустнул ледок, замерзшей дневной лужи. Неожиданный звук, напомнивший о том, что она незваный гость. Которому шуметь никак не полагается.

Ее появление не вызвало тревоги: то ли девицы иногда выпрыгивали из кабин приехавших фургонов, то ли просто не заметили. В любом случае Таня поспешила отойти подальше от освещенного места.

Фургон загрузили быстро – гремящими металлическими бочонками. Щелчок закрытой дверцы, фырканье мотора, и единственный знакомый Тани покинул комбинат. Она поняла, что осталась одна, среди людей, относительно которых у нее были самые серьезные подозрения.

«Детка, зачем эвфемизмы? – сказала она себе. – Нельзя частично делать наркотики. Или тут вполне законно варят кабачковую икру, или нарушают очень серьезные статьи УК».

Теоретически мог быть и какой-нибудь промежуточный вариант: некая тайная фабрика, на которой сотни таджико-китайских рабов за миску баланды строчат лучшие европейские бренды для московских бутиков. Вообще-то, раскопать такое производство не безопасней, чем наркофабрику. Убьют и покрошат в суповой чан для рабочей силы, а те только ложки оближут.

Несмотря на темноту она скоро поняла: не все здания, а их тут несколько, приспособлены для работы. К примеру, одно, к которому она подошла, явно ремонтировалась – внутри горела голая стеклянная лампочка. Судя по тишине, объект пустовал. Татьяна вошла внутрь. Была надежда – вдруг рабочая бригада заходит не со двора, а из соседнего, производственного здания?

Так, вот и дверь. Таня потянула за ручку и шагнула в проем. Минуты две она просто стояла, дрожа, греясь и осматриваясь. Казалось, с ней произошло чудо: волшебный портал перенес ее из страны морозной смерти в теплый край, вполне приспособленный для жизни. Все вокруг мало напоминало производственное помещение, скорее какой-то офис: мягкое покрытие на полу, подоконник с цветами. В обычном цеху или подсобке, с кулачными щелями в рамах, такие растения не пережили бы и декабрь.

Таня еще не решила, куда двигаться дальше, как вдруг услышала мужские голоса. Они доносились с улицы. И, что хуже всего, приближались. Пойманной быть неохота, значит, надо искать укрытие где-то в этом здании. И остается? А остается только уходить по коридору. Это Таня и сделала.

Через несколько шагов она увидела указатель в направлении удобства, которое есть в каждом здании, где работают люди. Действительно, в конце коридора направо был туалет, к счастью раздельный. Татьяна вошла в дамскую половину. И тут ее ожидал еще один сюрприз – за перегородкой, на мужской половине, беседовали. И курили, судя по запаху. Что ж, придется вдобавок дожидаться, когда эти закончат перекур.

Таня могла слышать, что обсуждают курильщики. А обсуждали они, увы, не технологию выделки наркотиков, а какие-то внутриколлективные интриги с внеочередным назначением ночной смены.

За время невольного ожидания Таня увидела рядом с ручным феном висящий белый халат. Может, уборщицы? Хотя те обычно носят синие. Впрочем, какая разница – чей! Ладно, будем до конца играть в киногероиню на вражеском объекте.

Таня накинула халат и, прождав пять минут после того, как курильщики, хлопнув дверью, покинули смежное помещение, вышла в коридор.

Уже половина двенадцатого. В такое время на объекте должен остаться минимум персонала – кому не отойти от агрегатов. Значит, можно ходить более-менее спокойно. Проблема в том, что нужно не гулять по коридорам, а именно идти к агрегатам. То есть к людям.

Впереди был какой-то зал – шум и голоса. Она подошла к двери, приоткрыла ее и бросила взгляд. Отошла, достала фотоаппарат, вернулась, быстро щелкнула, села на подоконник и стала рассматривать картинку.

То, что это не консервный завод, было ясно с первого взгляда. Но что же за производство? Огромные баки, трубы с жидкостью, люди в белых халатах... Кстати, с чего она так уперлась в эти наркотики? Очень даже может быть другое: город, в котором алкаши бросают пить, на самом деле – главный тайный завод региона по производству безакцизной водки. Тем более соседние области – Вологодская область, Ярославщина, Иваново – края, где постоянные потребители напитка переведутся еще не скоро. Неужели все так просто?

Все-таки не просто. Однажды Тане довелось участвовать в рейде на тайный алкогольный завод. Она запомнила сивушный запах и могла уверенно сказать: здесь его нет. Тогда что?

Времени искать ответ не нашлось. Сзади, откуда она пришла, послышались шаги. Оставалось или войти в производственный зал, или продолжить движение вперед.

Татьяна выбрала последнее. Пошла по коридору, пока не услышала голоса впереди и не поняла, что сейчас войдет в следующее обитаемое помещение. Неужели ей везло весь вечер, а сейчас не повезет?

Двери в стене. Одна закрыта, вторая... Да, можно войти. Так Таня и сделала. Огляделась в тусклом помещении – зал чуть поменьше, чем тот, где сделала снимок, но тоже не маленький. И аппарат ур знакомая.

Шаги в коридоре приблизились, а потом затихли. Видимо, сотрудники комбината разошлись по своим делам, каждый в свою сторону.

Выходить в коридор не хотелось. Хотя бы потому, что Таня не знала, куда идти дальше. «Продолжим осмотр», – решила она. Постучала пальцем по стальному цилиндру, занимав-

шему едва ли не треть помещения. Цилиндр был чем-то заполнен. Обнаружила рядом такой же, но поменьше. Увидела кран. Осторожно начала открывать...

Резкое шипение, из цилиндра вылетела белая пена и, шипя, окатила правый рукав куртки. Таня отскочила, не совладав со столь же резкой волной страха: ей показалось, будто на руке шипит и пузырится какой-то химический состав, а кожа куртки и кожа руки покрыты лопающимися волдырями.

Впрочем, через секунду она победила страх и даже изругала себя за него. Боль от химического ожога оказалась лишь фантазией – ни с курткой, ни с рукой ничего не случилось.

Жидкость продолжала хлестать на пол, уже образовалась пузырчатая лужа. Исходивший от нее аромат, пожалуй, был приятный. Таня шагнула к аппарату – надо же исправить свое безобразие...

Дверь открылась.

– Татьяна Анатольевна, – услышала она незнакомый голос, – вас что, не учили в детстве, что кран надо закрывать? И вообще не трогать чужие вещи...

Глава 5

Есть великие люди – их боготворят. Есть простые люди – над ними смеются. И все же иногда их поведение вызывает одинаковые эмоции.

Запоздалые бабушки, стоявшие на остановке напротив областной администрации, помнили школьное стихотворение о свете в кремлевском окошке, о бодрствующем Вожде. Вот и сейчас, глядя на светящийся пятый этаж – кто в области не знает, что там сидит губернатор, – бабушки жалели Олега Вячеславовича: ить, бедный, жена небось заждалась, а он – заработался.

На самом деле в тот вечер заработался не только губернатор, но и вся его обслуга. Повод для внезапного трудового аврала был не менее важный, чем зимнее нашествие дальнбойщиков. В область собрался Президент.

Конечно, глава государства не собирался инспектировать все областное хозяйство, а должен был принять участие в пуске новой ветки газопровода: ясный политический намек на то, что он тоже имеет отношение к газу, а не только Премьер. Но протокол визита предполагал посещение областного центра, и не факт, что все увиденное и услышанное могло порадовать гостя. А это могло создать проблемы. По вполне достоверным сведениям, Олег Вячеславович находился в губернаторском списке Президента номер 3: снять, когда найдется подходящая замена. И какой-нибудь повод, чтобы снять.

Потому-то и не гас свет на правительственном этаже: вице-губернаторы, не меньше шефа заинтересованные в сохранении статус-кво, старались исключить повод. За два дня сделали немало.

Экипаж, состоящий из креативного Феди Кинжальникова и мудрого вице-губернатора Васильича, проехал будущий президентский маршрут, примечая все, что могло возмутить главу государства. За ними, с некоторым интервалом, двигалась колонна из коммунальной техники, а также МВД и инспекторов различных надзорных ведомств.

Дорога преобразилась. За день было ликвидированы шесть несанкционированных свалок, подправлен один покосившийся частный деревянный забор, три закрыты рекламными щитами и три уничтожены как таковые.

Временно закрылись два придорожных рынка; третий, с березовыми вениками и сушеными грибами, оставили как символ местных промыслов. С учетом недавних антиалкогольных заявлений Президента на вывеске кафе «Придорожный кабачок» оставили только прилагательное. В процессе борьбы с неприязательными провинциальными граффити обнаружили позапрошлогодную рекламу обанкротившегося районного мясокомбината, на которой первые четыре буквы слова «сосиски» были выделены отдельным цветом. Пакостную рекламу поспешно заменили цитатой из Ильина, но тут Федя заявил, что великий русский мыслитель – проект, скорее, Премьера, чем Президента. Поэтому процитировали безотказного Пушкина.

Не дремало МВД, не дремал и департамент по культуре. Трассовым проституткам предложили временно перебраться на другое шоссе, даже любезно выделили автобус. Троице молодым людям, когда-то входившим в несуществующую партию НБП, рекомендовали не выходить из дома три дня. Нескольких вокзальных бомжей свезли во временную ночлежку, угостили халявной водкой, после чего туда перебрались все бомжи – спонсоры оплатили эту акцию как «реабилитационное мероприятие». Департамент культуры попросил местный театр на две недели отказаться от спектакля «Убийство президента» или хотя бы убрать анонс со стенда. Заодно на всякий случай сорвали все афиши майского концерта невинной московской металлической группы «Мордор».

Обо всех этих подвигах и докладывали губернатору в затянувшийся рабочий вечер. Каждый из докладчиков понимал – недостаточно. Взять хотя бы ту же дорогу на Григорьино: свалки убрали, заборы снесли, а мост через Сибловку так и остался недоремонтирован с прошлого

века. Встречному транспорту не разминуться, только и остается, что заранее отсечь любую встречу на этой дистанции, да еще авось Президент не заметит.

Или взять обанкротившийся завод «Новый торфяник» – глава поселковой администрации запил вместе с земляками и может вывести народ на трассу. Позавчера главу протрезвили, нашли бывшего владельца, зарплату за прошлый декабрь выплатили... Все равно беспокойно.

Главное же, работникам губернаторской администрации не удавалось избавиться от гнетущего ощущения: все равно что-нибудь да вылезет. Поэтому-то все и были мрачны.

Когда доклады завершились, губернатор сказал подчиненным:

– Выношу благодарность. Васильич, Кинжальников, вам – материальная. Может, последний раз премию выписываю.

Все улыбнулись остроумной шутке, слегка взроптав: что вы, такое невозможно, вы же, Олег Вячеславович, Ельцина пережили. Причем во всех смыслах слова!

Дождавшись, когда умолкнут звуки умеренного подхалимажа, губернатор серьезно осмотрел присутствующих. И показал им три факсовые страницы:

– Из Москвы пришло. Насчет лиц, не присутствующих и не упоминаемых. Могли бы нас не учить: сами знаем своих дуриков. Но...

Оглядев слегка встревоженные лица: а вдруг именно я такое натворил, что не должен даже посмотреть на Президента, губернатор сказал:

– Слышал я такие разговоры: если что, можно будет Столбова попросить. Особо если в Григорьевском районе, по соседству с Зимовцом. Так вот, насчет упомянутого Столбова есть особое и однозначное распоряжение. Даже не просто распоряжение, еще и вопросы некоторые: как вообще ему позволили здесь подняться и угодить в районные выпы? Ладно, с этим потом разберемся. А сейчас... – Олег Вячеславович посмотрел грозно – это он умел. – А сейчас, кто скажет: «если что – Столбов выручит», тот даже заявление писать не будет. Сам уволю! Никакого Столбова!

* * *

Татьяне оставалось только тревожиться и паниковать. Ее заперли в маленькой, темной, судя по запаху, недавно отремонтированной комнатухе. Из всей мебели – табурет, с пятнышками масляной краски. И никаких других удобств. Когда она упомянула о них, начальник охраны ответил:

– Татьяна Анатольевна, вы были в туалете пятнадцать минут назад.

– Так вы все время за мной следили? «Не знаю, что тут производят, но какой уровень охраны!»

– Конечно. Пропустили в порядке любопытства. Начальство приказало выяснить, что вам здесь нужно, поэтому вам и позволили прогуляться.

Слова Тани о разрешении Столбова на посещение любых предприятий не вызвали никакого эффекта (впрочем, он и не ожидался). Обыскали, причем так быстро и профессионально, что не было времени возмутиться.

– Вообще-то даму полагается обыскивать дамам, – успела заметить она.

– О правах пойманного шпиона поговорите с моим начальством, – бросил охранник, завершая блиц-обыск.

Самое неприятное – изъяли «Асик». Как ни странно, если о своей судьбе Татьяна думала немного отстранено, то про ноутбук – с жалостливой сентиментальностью. Она гадала: что с ним сделают, если продолжение пойдет по наихудшему варианту. Сбросят в карьер вместе со всеми вещами (может, и с трупом)? Продадут, очистив жесткий диск? Подарят в качестве премиальных отличившемуся охраннику? И тот будет ругаться: чего мало игр, почему нормальный музон не закачан? Или будет с интересом перечитывать ее записи.

За себя не то чтобы не было страшно; скорее глодала тоска: кто пожалеет? Мама, конечно, очень огорчится. Но у мамы есть замечательный отчим дядя Боря.

И не это главное! За двенадцать лет взрослой жизни Таня настолько утомила маму различными авантюрами, что в маминой грусти не будет главного компонента – удивления. Вроде как «повадились кувшин по воду ходить». Или, проще говоря, доигралась.

Костя и Николай тоже взгрустнут. Костя, пожалуй, напьется до больных печенок, но и он скажет: «Доигралась».

Да, огорчится, конечно, начальство. Все-таки какой-то уровень ответственности... Уж точно огорчится Пашка, который и поднимет шум – будет добиваться расследования. Скорее всего добьется: уж он такой, этот Пашка. Найдут, прилично похоронят, если будет чего.

Махнув рукой на дурацкие мысли о будущем, Таня обратилась к недавнему прошлому – помог еще влажный рукав куртки. Судя по запаху, хозяева завода имели дело с какой-то органикой, а не с химией.

Отгадка не появлялась, и Таня решила хотя бы просушить куртку – в импровизированной камере было тепло и хватало желтого света от дворовой лампы. Она положила ее на батарею, вернулась на табуретку, прислонилась к стене – выяснила, не пачкает. И неожиданно для себя задремала.

В комнате появился легкий, приятный, немного знакомый запах. «Это от моего рукава, – подумала Таня. – Хлебом, что ли, пахнет?»...

Должно быть, Таня и вправду крепко заснула. Ее разбудили не шаги и голоса в коридоре, а открывшаяся дверь и свет. На пороге стоял Столбов.

* * *

В это время суток (Таня отметила, полпервого ночи) Столбов выглядел естественнее, чем днем: не в костюме, а в кожаной куртке и вельветовых штанах. От этой перемены одежды настроение и тон тоже лишились официальности.

– Добрый вечер, Михаил Викторович, – сказала Таня. – Вот, воспользовалась вашим разрешением посещать ваши предприятия и приехала на Комбинат.

– Результатами осмотра удовлетворены? – хмыкнул Столбов.

– Нет, – честно ответила Таня. – Все загадки остались.

– Ну что ж. Дела за день разгрёб, теперь можно устроить вам экскурсию.

– Заманчивое предложение. Не поздно ли? В такое время отдыхать надо.

– А потом и отдохнем, – весело сказал Столбов. – Раз уж вы такая настырная гостья, то получите полную программу отдыха и развлечений.

– Я не самый подходящий сексуальный приз для взвода охраны, – заметила Татьяна.

Столбов шутку осмыслил, хохотнул, бросил: «Не стоит себя недооценивать», махнул рукой – пошли.

Таня сняла подсохшую куртку с батареи и пошла.

В коридоре стоял охранник. В одной руке он держал ее рюкзачок – судя по отвислости, с ноутбуком, в другой – мобилу.

– Верни даме имущество. Татьяна Анатольевна, – добавил Столбов, когда Татьяна закинула рюкзак за плечи и взяла телефон, – можете проверить, все ли на месте. Доверяете? Хорошо. Кстати, хоть прямо сейчас можете вернуться в Москву и фантазировать в вашем журнале о том, что я произвожу экстази, гексоген или еще что-то.

– Насчет экстази... Вы ясновидец?

– Какой там... У меня не только костоломы. Открыли ваш компьютер, прочитали последние поисковые запросы. Советовали сменить пароль – нынешний слишком простецкий.

Таня ощутила более пакостное чувство, чем когда шупали ее куртку и джинсы. Даже впала в минутный ступор.

Столбов махнул рукой – идем, раз не хочешь прямо сейчас в Москву.

Прошли тем же самым коридором, по которому Таня кралась час назад. Столбов свернул в комнату, наминавшую своим интерьером бар, а не производственное помещение.

– Нашу продукцию лучше пить, чем трогать руками. – Столбов показал на стол.

Там был скромный, но изящный дегустационный набор: несколько пивных бокалов средних размеров, вазочка с крекером, графин с водой и несколько стаканчиков рядом.

Работница в белом халате, едва вошел шеф, налила пиво в бокалы. Татьяна отметила ее безупречный расчет: пена возвысилась над тонкой кромкой и медленно принялась опускаться, не пузырясь.

Столбов показал гостье на столик – угощайтесь.

– И не отказывайтесь. Это составная часть экскурсии. Куртку можно на вешалку.

«Интересно, французские пуалю целовали ручку Маты Хари перед расстрелом?» – подумала Таня. Впрочем, ей пока что предлагали пиво.

– Начинайте с темного, – сказал Столбов. – Правильно пить пиво по-чешски умеете?

– Напомните.

– Первый глоток – большой, половина кружки. Емкости здесь мелкие, так что это вам по силам. Допивать в два глотка.

– Так у вас здесь тайный пивоваренный завод? – спросила Таня, отхлебнув почти половину бокала. Думала меньше, но организм умеет быть диктатором, а сейчас он требовал снять стресс. Да и само пиво ласковым карамельным вкусом призывало заглотнуть побольше.

– Нет, явный. Просто наше пиво в основном идет в кегах по барам. И в нашу область, и к соседям, и в Москву.

– Но я нигде не видела вашей рекламы.

– Наша реклама – наше качество. Теперь заели печеньем, глоток воды и пробуем светлое.

– Нет уж, только с вами, – возразила Таня.

– Что же, пивка для рывка – правильно, – согласился Столбов и взял бокал, который был чуть выше остальных.

– А впереди у нас длинный забег?

– Да. Через два часа жду гостя – Федорыча. Перед таким визитом полезно потренироваться.

– Не поздновато ли для гостей? – Таня прожевала печенье (какая же голодная!) и отхлебнула воды, готовясь к продолжению дегустации. – Кстати, за что пьем, Михаил Викторович?

Тот пожал плечами – предлагайте.

– За процветание Зимовца, – улыбнулась Таня.

– Поддерживаю. Кстати, какое пиво мы только что выпили?

Татьяна ответила почти без задержки:

– «Францисканер»?

– Примерно так, – усмехнулся Столбов. – У нас оно называется «Зимовецкое белое сентябрьское». Наш технолог сварил на пари. Сходство такое, что некоторые пивные бары предлагают его посетителям как «Францисканер».

– Значит, все-таки производим контрафакт?

– Отнюдь. На кегах с завода наша этикетка, вот, кстати, она на стене. А уж на какую этикетку заменит ее потребитель и за какую цену продаст – не наша забота. Пейте, пейте. Такое пиво не просит, чтобы допили. Оно требует.

«Он что, спить меня решил?» – подумала Таня, но допила.

Между тем ее предположение не подтвердилось. Столбов так же быстро допил пиво.

– Едем дальше, – распорядился он. Взял с вешалки Танину куртку, но подавать не стал. – Халатик-то производственный снимите. Кстати, вы уже поняли, почему ваша маскировка не годилась?

Столбов, по Таниным наблюдениям, явно относился к людям, предпочитающим самим отвечать на собственные же вопросы. Но и Таня привыкла отвечать сама. Она взглянула на стоящую в сторонке девушку-работницу и сказала:

– На мне только белый халат, а у нее на ногах – полиэтиленовые бахилы.

– Глаз-алмаз! Уважаю. Это мой принцип: никакой грязи, если рабочее место под крышей. Вошел в дом – снимай шапку и разувайся.

– А если крыши нет?

– Тогда никакого постороннего мусора.

Разговор продолжался на ходу. Столбов шел по коридору быстрыми, упругими шагами, заставляя собеседника ускориться, но все же не пускаться вприпрыжку.

Пару раз он открывал дверь, показывал Тане производственные виды. Объяснял: вот лаборатория, все наши восемь сортов сделаны здесь. Вот цех верхового брожения – только так можно сделать что-то вроде нормального эля. Вот склад, не удивляйтесь, что небольшой. Хорошее пиво должно уходить потребителю сразу. Логистика!

Когда они вышли из главного здания и подошли к машине Столбова, Татьяна спросила:

– Почему же вы не начинаете большую экспансию? Не пытаетесь вытеснить разных «золотых мельников» и «старые бочки» из гипермаркетов?

– Потому что большой уровень – большие откаты регуляторам. И не факт, что с результатом. Мое пиво, даже «Зимовецкое легкое», лучше той мочи, что бодяжат в Подмоскowie и выпускают каждый год в новой упаковке. Но если доказать эту очевидную вещь, можно потерять не рынок сбыта, а производство. Сегодня в России опасно работать лучше всех.

Они сели в машину – на этот раз ее вел шофер. Когда отъезжали от комбината, Таня спросила, наклонившись к переднему сиденью:

– А овощные консервы здесь не выпускаются?

– Самую малеху. Свои фермы – бывшие совхозы у меня есть. Но мариновать овощи – вчерашний день. Сегодня их надо замораживать, а еще лучше поставлять свежими.

– Выгодно?

– Зайдите в московский гипермаркет. Увидите, что выгодно привозить из Китая салат и чеснок, а из Голландии – лук и морковь. Я пока что овощевкой всерьез не занимался. Когда займусь – разберусь, как их возить из России в Россию с выгодой... Хотите вопрос на сообразительность? Почему шведы в прошлом году проехали четыре предприятия и заказали контейнеры у меня, на пятом заводе? Подсказка – под ногами.

– Чистый пол?

– В точку! Они увидели, что цех метут по графику, и поняли: продукцию тоже получают в срок.

После короткой паузы – Таня любовалась видами ночного Зимовца за окном – Столбов спросил с легкой усмешкой:

– Это и были ваши откровенные вопросы?

– Я их еще не начинала. Ну, если хотите... Вот первый – сколько человек было опущено в городе, кроме Свища?

– Только один. Топор. Виктор Топорышкин, рецидивист, устроился в бывший Дом пионеров, в кружок по критической эстетике, насиловал подростков. Критиковал местные власти, а те с таким критиком боялись или брезговали связываться. Нашелся тот, кто не побрезговал. Продолжить статистику?

– Да. Очень интересно.

– Двое рецидивистов погибли. Еще двенадцать к новым порядкам не приспособились и уехали из Зимовца. Остальные – человек тридцать, не меньше – забыли про бандитизм и перешли на мирные профессии. Это только про личности из областного списка ОПГ плюс рецидивисты с двумя ходками. Мелкая шушера проявила понимание, а настоящие отморозки девяностые не пережили.

– Зимовец изначально криминальный город?

– Не без того. Остановилось главное предприятие. С другой стороны, появилось новое производство: турки построили стекольный завод при песчаном карьере. Пивная и водочная промышленность всегда живет без кризисов, бутылки производятся, а развозит их по заводам местное население, на своих фурах. Нашлись охотники и просто грабить шоферюг и по-иному тянуть деньги. Одних игровых автоматов в городе пять лет назад было двести. Теперь – ни одного. Я их ликвидировал за два года до президентского указа по игорным зонам.

Татьяна хотела продолжить расспросы, но Столбов ее перебил:

– Теперь моя очередь. Скажи, это от несостоявшейся семейной жизни?

«Когда мы перешли на „ты“?» – подумала Татьяна, но возражать не стала.

– «Это», как я понимаю, – моя работа?

Столбов кивнул.

– Букет причин. А что для вас значит «состоявшаяся семейная жизнь»?

– Когда муж не позволяет ездить по городам и проникать на закрытые объекты.

– Да. Вы правы, мне некому запрещать. В этом отношении мы родня по несчастью.

Вместо удивленных вопросов Столбов внимательно посмотрел на нее. Так долго, что Таня даже испугалась.

Потом что-то буркнул. Тане показалось, что она разобрала слово «профессионал». Еще три минуты ехали молча. Потом Таня нарушила напряженное молчание:

– Теперь моя очередь спрашивать. Почему вы со мной возитесь?

– Мне нравятся настырные люди. Вы приехали сюда, чтобы разоблачить центр «Надежда», и решили, что разоблачили северо-западный наркокартель. Но не уехали, а решили докопаться до истины, нарыть доказательств. Вот я и решил вам помочь.

– А вы можете убить человека, который встал на вашем пути?

– Могу, – спокойно и без раздумий ответил Столбов. – Но предпочитаю поступать по-другому. Если человек встал на моем пути по ошибке, я его отталкиваю и иду дальше. А если он стоит из упрямства, я предлагаю ему идти со мной.

– И какова цель вашего пути?

– Сейчас очередь моего вопроса.

Таня облокотилась на спинку переднего сиденья, взглянула в глаза Столбову с легким кокетством: «И что у вас будут за вопросы?»

– За сколько ты способна соврать в своем журнале?

– По ситуации. Написать «„Зенит“ – чемпион!», даже если в этом году чемпионом стал «Спартак», могу забесплатно. Написать статью о том, что мороженое какой-то фирмы лучше всех, – запросто за небольшие деньги. Написать, что плохой человек хороший, – только за большие деньги. Написать, что хороший человек плохой, – никогда.

Столбов опять ухмыльнулся:

– А за очень большие деньги хорошего человека очернить возьмешься?

– Нет. И некрасиво, и подло, к тому же сейчас никто по-настоящему больших денег за ложь не платит. Зачем, когда всегда можно нанять другого писаку?

Столбов кивнул уже без улыбки – позиция ваша понятна.

– Мы сейчас едем в свинарник? – спросила Татьяна.

– Почти приехали.

– Я уже представляю, что увижу там.

– И что?

– Здание недавней постройки, бахилы и белые халаты, загоны без запаха хлева, отделение для опороса, оборудованное лучше, чем областной роддом. Не хочу такой экскурсии.

– Почему?

– Чем лучше условия – тем жалче хрюшек. Я бывала в полудохлах совхозах девяностых, где голодных коров привязывали к стенам, чтобы не упали. Чем скорее на такой скотный двор придет дядя с кинжалом милосердия, тем лучше. А видеть чистые и счастливые рыльца будущей ветчины...

– Хорошо. Поросят видеть не хотим. А мясо едите?

Таня утвердительно кивнула.

– Отлично. Тогда сразу в дегустационный зал и отведаем такого мяска, какого вы никогда еще не ели.

Татьяна хотела было отказаться от предложения. Но это был бы совсем уж неприличный коктейль из жеманства и чистоплюйства. К тому же хотелось есть.

* * *

Столбов не стал портить аппетит своей... гостье или заложнице? – Таня так и не поняла. Они почти сразу прошли в небольшой уютный зальчик – как раз такой, где и полагалось завершать экскурсии по свинокомплексу.

– Кровяную запеканку не хотите? – предложил Столбов. – А кровяную колбаску? Зачем мотать головой, так и скажите: не хочу. Я тоже не любитель. А вот от эскалопа отказываться не советую. Свининка свежая, отборная и грамотно приготовленная.

Да как тут откажешься – один только запах эскалопа распропагандировал бы самого завзятого вегетарианца. К тому же пиво требовало хотя бы запоздалой, но закуски.

– Их приготовили, едва только мы покинули завод, – сказал Столбов с набитым ртом. Похоже, он был голоден, как и Таня. – Правда здорово?

– Угу, – ответила гостья и, прожевав, добавила: – последний раз такую вкуснятину я ела на Кавказе – барашка, который пасся еще утром.

– Вообще, если подходить по уму, хотя в России сейчас в моде птицефабрики, свиноводство у нас выгодней. Свиной корм на севере вырастить проще, чем птичий, – овощи здесь родятся лучше, чем зерно. Однако минимум треть свинины в стране – импортная. Из Бразилии везут, наискосок через океан. Ну-ка, журналистка, скажи почему?

– Торговым сетям проще договориться с экспортерами.

– Половина правды. Вторая половина: бразильский производитель откармливает свиней и перекупщиков, как и у нас. Только у нас приходится откармливать еще кое-кого...

Татьяна не отказалась и от добавочной порции эскалопа, и от какой-то крепкой и пряной настойки. «Для пищеварения», – как пояснил Столбов.

– Продолжим вопросы? – предложил он. – Тогда спрашиваю: вы хотите и дальше искать наркозавод?

– Не собираюсь, – буркнула Татьяна с набитым ртом. Прожевав, сказала: – Теперь мой вопрос. Я не хочу спрашивать, откуда у вас деньги и откуда такие деньги в городе. Но мне интересно, почему вас до сих пор не съели? Не посадили, как Ходора, не выпинали в Лондон, как Чичваркина, не говоря уж о менее раскрученных ребятах? Или не раскрутили на всю страну, как пример современного бизнеса с ежемесячным отчислением за это в фонд Олимпиады?

– Все просто. На уровне местном меня съесть не могут... На это, поверьте, имеются некоторые причины. А на уровне выше местного я просто не мозолю глаза. Моя деятельность обходится без рекламы, поэтому некоторым деятелям не местного уровня я просто не виден. Так что я, в отличие от этого эскалопа, невкусный, потому что незаметный.

Таня внимательно посмотрела на Столбова, будто хотела что-то спросить. Но промолчала.

– Тогда вопрос от меня. Мы продолжаем поездку? Следующий пункт программы – «Как я отдыхаю».

Может, Таня не желала проверять реакцию Столбова на ее ответ «нет». А может, две рюмки настойки, приплюсованные к двум кружкам пива, сделали свое дело.

– Продолжим. Про город я вас толком еще не расспросила.

* * *

«Что было бы, если бы я сказала «нет»? – думала Таня эту типично женскую думку. – Меня бы подвезли к гостинице, высадили бы за городом или же отвезли бы неизвестно куда?»

Ответа не было. Безумная экскурсия продолжалась. Уже не по городу Зимовцу, а по району. Никаких наблюдений сделать не удавалось: минут тридцать как минимум за окном не мелькнуло ни одного огонька. Даже встречной машины. Зато шофер пару раз включал дальний свет, тормозил и гудел, сгоняя с дороги лесную живность.

– Это пыл фолк? – после очередного такого случая спросила Таня, вспомнив анекдот про эстонцев в санях.

– Да, – без улыбки ответил Столбов. – А в прошлый раз – лось.

«Однако, занесло меня в волчью глушь», – подумала Таня. И продолжила расспросы.

Потом асфальтированная дорога кончилась, началось нечто вроде широкой и расчищенной лесной тропы. По сторонам лежали сугробы, казалось, Таня приехала на месяц назад.

Она уже не меньше пяти раз назвала путешествие бесконечным, как вдруг дорога закончилась. Машина замедлила ход, подъехала к небольшому приземистому домику.

– Добро пожаловать на мою скромную охотничью заимку, – сказал Столбов, помогая Тане выйти из машины.

«Мы осмотрели хозяйство маркиза Карабаса, а теперь прибыли в его замок... Интересно, кто же этот маркиз: везучий сказочный герой или тайный людоед», – подумала Татьяна, но пошутить не решилась. Тем более Столбова сразу же отвлек местный кадр, которого Таня тут же назвала «Кузьмичом».

– Здравствуйте, Михаил Викторович. Все, как вы просили: киса на месте, никуда не делась. Брать лучше, как рассветет, но не тянуть.

– Как скажешь, Степаныч, – ответил Столбов. – Ты только, перед тем как выдвигаться, толкни нас за полчаса. Пошли погреемся. – Последнее было сказано уже госте.

Охотничий домик Столбова не обманул ожиданий. Неказистый снаружи, внутри он оказался просторным и уютным. Никакой особой роскоши, зато все грамотно и рассчитано на отдых людей, утомленных хождением по лесу.

Впрочем, осмотреться как следует Таня не успела. Ее отвлек нарастающий гул, могучее механическое лопотание, усиливающееся с каждой секундой.

Она недолго гадала, что же это такое, слишком часто доводилось этот звук слышать. Вертушка! Рядом с заимкой садится вертолет.

Столбов вышел на крыльцо, но даже не стал закрывать за собой дверь. Не прошло и минуты, как он вернулся с гостями: мужчиной в годах и двумя хохочущими девицами.

На девиц Таня взглянула мельком, вспомнив анекдот про волшебное желание: пусть всегда рядом со мной будет длинноногая цыпочка с вечно мокрой киской. Зато на мужчину смотрела чуть подольше. Узнала, хотя впервые видела этого господина не при костюме и галстуке, а в камуфляже (правда, не абы какой камуфляж, а доподлинная натовская военная форма, и причем новехонькая).

Григорий Луцкий относился к той категории граждан, что в объектив по своей охоте никогда не лезут, но все же регулярно в него попадают. Конгрессы, презентации, вручение всяческих премий, а равно встречи Премьера или Президента с, как это принято у нас называть, деловой элитой страны – без Луцкого не обходились. Пусть на заднем плане, но он там мелькал.

Насчет того, насколько влиятелен и богат «дядя Гриша», всегда велись споры. Велись и сейчас – главным образом о том, по праву ли господин Луцкий находится во втором десятке самых богатых людей России, по версии журнала «Форбс», или было бы правильнее вернуть его в первый десяток. Цветная металлургия кризис вроде пережила, так что владельцу трети российской меди и олова снова самое место в первой десятке.

По правде говоря, Татьяну весьма слабо беспокоил вопрос о точном месте господина Луцкого в пантеоне финансовых богов. А вот что делает сей небожитель в гостях у заштатного провинциального Столбова – вот это зверски любопытно.

И снова ожили подозрения. Нет, не про наркотики речь. Медный король Луцкий и пошлая торговля наркотой – это несовместимо, это из разных весовых категорий, из разных миров. Тут что-то другое. И, кажется, она начинает кое о чем догадываться...

Тем временем медный король вошел в домик, не прерывая начатый во дворе монолог – объяснял хозяину причину явного опоздания:

– Да понимаю, Миша, что уха остыла. Эх, будь моя воля, был бы здесь уже днем. Меня Саньч мариновал, е...ый мудака. Захотел встретиться, просил в офис приехать к шести. А сам на три часа задержался, бл...ая сука. Ну и разговорчик у нас был не очень короткий...

То, что родные олигархи в неформальной обстановке базар не фильтруют, Таня знала. Ее больше интересовал неизвестный Саньч, держащий в своей приемной магнатов первого десятка. Свои соображения были, но хотелось дополнительной информации.

– Ты, Гриша, не парься на пороге, – прервал гостя Столбов. – Проходи к ушнице. Настроение поднимешь, ну и заодно поговорим: ты про столичные дела, я про охотничьи.

Олигарх, уже избавившийся от куртки (помогла одна из девиц), с вопросительным интересом посмотрел на Татьяну: а ей стоит ужинать с нами? Но именно посмотрел, понимая, решать хозяину.

– Будьте знакомы. Татьяна Анатольевна, твоя землячка, – весело сказал Столбов. – Секретов от нее нет и быть не может: все равно все выznaет сама.

– Алина, Ирина – мое юридическое сопровождение, – хохотнул Луцкий, – дамы приятные во всех отношениях, в любое время суток. А ты, Миша, как вижу, себе изменил – был выездной ходок, а теперь и дома при даме. Ладно, пошли к ушнице.

«К хренушнице, – зло проговорила про себя Таня, провожая взглядом рыхлую фигуру олигарха. – Хозяин жизни, мать твою! Вывести бы всю вашу кодлу на чистую воду, да только кто мне даст!»

Слово «чистая» в мыслях проскочило не случайно. Оно напрямую относилось к Таниным догадкам: а что, если город Зимовец со своими заводами, комбинатами и цивильной инфраструктурой – всего лишь мощная прачечная для капиталов таких вот дядек вроде Луцкого? Если прачечная работает исправно, то и содержаться должна по первому разряду, разве не так? Какой криминал, какие воры и всякая разна гопницкая шелупонь, когда такие дядьки проводят через «здесь» свои капиталы! Кто позволит, чтобы всякая мелочь путалась под ногами и могла помешать отлаженному процессу? А все это пиво-воды, маринованные овощи и свинодельческие кобминаты – это не что иное, как декорации для налоговых органов. Когда спросят где надо, а каково, мол, происхождение ваших капиталов, товарищ Луцкий, тот ответит: так вот же, глядите, люди дорогие, город Зимовец поднимаю, вкладываюсь в благородные дела, в лес-промхозы и центры для алкоголиков, в производство контейнеров и пива и все могу доказать, все документы в порядке, какие еще вопросы?

* * *

Хотя из обслуживающего персонала Таня заметила лишь паренька лет семнадцати (возможно, сын смотрителя заимки), шустрил он быстрее иного официанта. Когда прошли в соседнюю комнату и сели за круглый стол, громадный лакированный деревянный пень, число приборов было как раз по гостям.

Не то чтобы стол ломился от закусок (тарелка с соленьями, миска с маринованными и миска с солеными грибами, мясные закуски и длинный копченый сиг), ну так и едоков не взвод. Впрочем, на закуски время не тратили: уже пахло ухой, и через минуту она появилась на столе.

– Ну, и чего хотел от тебя Саныч? – спросил Столбов. Произнес это с понимающей усмешкой. Это как после школы мальчишка забегает в гараж или в мастерскую, к знакомому соседу дяде Мише, знатоку детской души получше любой училки, а тот и спросит: «Откуда у тебя знатный фингал?»

– Я сам сразу и не понял, чего этот урод от меня хочет? Привычка у него такая: пригласил тебя, намекнул, а ты гадай, для чего. Е...я б...дь, Сталина из себя корчит: ты, мол, три раза обосришься, пока не поймешь, чего надо от тебя.

Луцкий на миг прервался – рюмки уже наполнены.

– Ну, за то, чтобы встречаться только с теми, кто нам приятен, – предложил Столбов.

Олигарх поддержал тост, и все вздрогнули. Таня выпила почти всю рюмку, поспешила запить духмяным до резкости брусничным морсом. Одна из девиц (Алина?) предусмотрительно выпила рюмку наполовину, но все равно кашлянула. Другая (Ирина?) решила не отстать от эскортируемого объекта, но не рассчитала силы и поперхнулась до разбрызгивания.

– Первая – колом, вторая – соколом, – подбодрил ее Столбов. Алина усмехнулась, углядев в застольной поговорке сексуальный подтекст. – Так, Гриша, чего хотел-то от тебя этот славный ветеран Фонда спасения бобров?

– Да музей этот все. Теперь еще и Фонд при нем. Насчет музея самого я не спорю, пусть он и закрытый, но нужен. Ладно, что дал на него сто тысяч евриков, пусть там они, бля, пишут летопись своих подвигов хоть на золотой бумаге. Но Фонд завели – противодействия фальсификациям. Мол, если про них где-нибудь на Западе вышло, оплатить опровержение. Ладно, дело тоже правильное, нечего на Россию варежку разевать. Дал пятьдесят тысяч, думал, хватит.

– А потом тебя вызвал Саныч и сказал: «Маловато будет». – Столбов слушал, не забывая хлебать ушницу, да еще и знаками призывая к этому Луцкого.

– Ну да. Если бы сказал. Помуржил на ожиданке три часа. Потом – разговор. Поначалу про Фонд, поблагодарил меня, козлина. Я ему прямо: достаточно поддержал? Тот, сука, руками разводит – мол, не знаю ваше финансовое положение, на токийской бирже медь упала, на нью-йоркской свинец поднялся, не могу советовать. Потом чуть по коньячку. Знал бы, не стал с сукой пить. Заспорили, как лучше – если шофер есть или ты за рулем. И тут он говорит, типа ну совсем между делом. А ведь твой-то шоферик, Филимонов, что пять лет назад уволился после ДТП, заявку написал. Мол, за рулем тогда был шеф, а я взял на себя вину за ту сбитую бабенку за миллион. Знаю, говорит мне Саныч, алиби у тебя есть, но оно хилое. Нет, дела на тебя не заведено. Но я бы на всякий случай не стал бы в Лондон летать. Вдруг завтра повестка придет, что тебе идти на допрос. Не, конечно, не как «сидетелю»...

Таня сдержала смехок – вспомнила знаменитую повестку Ходорковскому с известной циничной опечаткой в слове «свидетель». Столбов слегка улыбнулся.

– Вам, бля, хаханьки, – вздохнул олигарх, – а мне каково? Ну, он так успокаивает, сука, типа мы тебя, если что, в обиду не дадим, но и ты соображай. Спрашиваю, где бумажка-то лежит? Он – трудно сказать, может даже в запасниках нашего музея. Я брякнул: «Можно, я эту заявку куплю?» Триста тысяч евриков за одну бумажку. Саныч злится, но очень уж притворно,

как разводила на гоп-столе. «Да ты чо, совесть потерял? Это тебе не лихие девяностые, чтобы документы покупать. Ты еще мне этого шофера за сто баксов закажи. Нет уж, пусть бумажка лежит где надо». Ну и....

– Ну и...? – спросил Столбов, разливая водку.

– Короче, этот Фонд получил от меня одноразово триста тысяч, да еще по сто тысяч каждый месяц буду накидывать. А заява все равно у них осталась. Вот и гадай, когда придет мне повестка как «сидетелю».

– Ну, за то, чтобы почтальон заблудился, – предложил Столбов, явно не любивший застоя.

Опять вздрогнули. Ирина, опасаясь чистой водки, быстро смастрячила «отвертку» с доминированием апельсинового сока.

– Понимаешь, Миша, вот в чем все говно: не знаешь, когда и чего им от тебя понадобится. Вроде все заплатил, даже с перебором. Нет, все равно какая-нибудь бумажка у них на тебя припасена. И сами, суки, тариф не назовут, это ты должен их намеки понимать. А не поймешь по тупости или с куража, так они быстренько тебя подвинут с твоего дела и постараются найти на него своего попку, чтобы намеки с закрытыми глазами видел. Потому наш бизнес на чемоданах весь и сидит: не знаешь, чего от тебя нужно. И не только бизнес.

Луцкий насадил на вилку соленый гриб, но до рта не донес, со звяком бросил вилку на тарелку, освободив ладонь для бурной жестикуляции.

– Вот смотри, Миша. Возьмем моего работягу. Идет он с работы, пусть и не бухой, его мент остановил, и уже понятно – мусорку нужно с него денег стрясти или посадить, чтобы закрыть висяк. И стрясет, и посадит, как захочет. Теперь возьмем меня. Меня, владельца, бля, заводов-пароходов. И оказывается – та же в точности херня. Вот вызывает меня какой-нибудь Саныч. С какой целью, спрашивается? А все с той же, что и у мента. Или денег стрясти, или посадить, а посадив, все отобрать, растащить по кускам. Сами ничего создать не умеют, только чужое хапать.

– Это кто такие? – спросила Ирина.

Таня посоветовала ей чаще смотреть новости, блок официальных событий.

– И ведь все знают, – продолжал возмущаться Луцкий, – знают, сколько у них положенная зарплата и сколько в реале и бабла, и замков в Испании. Нарочно система выстроена, чтобы перец из известной конторы или мент с зарплатой сто тысяч в год квартиры бы покупал за три лимона баксов. Нет охоты хоть чего-то делать, когда понимаешь: эти суки всегда на коне. Так и будут доить страну, пока еще раз не развалится. Кто бы, бля, скрутил их, паразитов?

– А если найдется, кто мог бы скрутить, – лениво заметил Столбов, перемешивая ложкой наваристую уху, – так тебя тот же Саныч вызовет и прикажет дать лимон на спасение стабильности и демократии в России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.